

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ

А ЛЬ М А Н А Х И

ИЗДАТЕЛЬСТВА

„ШИПОВНИКЪ“

Книга 18.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1912.

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ.

П Я Т А Я Я З В А

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЛЮДСКОЙ ПУТЬ

Въ Студенцѣ можно жить всякому, смотря по карману.

Въ Студенцѣ Бобровъ не новичекъ: двадцать лѣтъ безъ малаго служитъ Бобровъ слѣдователемъ. Двадцать лѣтъ—не годъ, за такой срокъ къ чему не привыкнешь, а, между тѣмъ, изъ всѣхъ жителей студенецкихъ едва ли найдется еще кто, ну самыи послѣдніи, ну, какой-нибудь Пашка-Папанъ—изъ бывшихъ пажей бояръ мѣстный, о комъ бы говорилось съ такимъ раздраженіемъ,—о слѣдователѣ Бобровѣ всякий разъ такъ говорилось, словно впервые онъ на зубъ попался.

Александръ Ильичъ Антоновъ, студенецкій исправникъ, на что ужъ, кажется, крутъ, а ничего.

— Баринъ ничего, только кого откомъ бьется!—говорить про своего барина Филиппъ кучеръ.

А старикъ городовой Лукьянновъ столь же благодушино и не безъ достоинства шевелить своею щетиною:

— Я устоялъ, потому что подъ Шипкою былъ.

Исправникъ бьется ладонью по шеѣ—такой пріемъ—и виновный отъ неожиданности тутъ прямо носомъ и тыкался, или, выставивъ костяшки средняго пальца, хватить тебя подъ подбородокъ, что ужъ вѣрнѣе и самого лагутинскаго кулака, а становой Лагутинъ—крѣпкорукъ, если въ сердцахъ, такъ таракахнетъ, черезъ стѣнку пролетиши.

Слѣдователь Бобровъ за всю свою службу пальцемъ никого не тронулъ, ну хоть бы такъ видѣлъ—погрозилъ кому, и

даже такихъ пустяковъ не слышно: у слѣдователя, когда онъ допрашивается, руки всегда на столѣ,—пальцы сухie, долгие, какъ пристыли.

Тоже и пить—пьянымъ Боброва никто не видалъ.

А въ Студенцѣ кто не пьетъ! Полицейскій докторъ Торопцовъ Иванъ Никанорычъ, человѣкъ еще и совсѣмъ не старый, а за веселые деньки ноги у него, какъ тумбы, не сгибаются. Петруша Грохотовъ—Райская птица, ветеренаръ, ну этому что триста, то и три рубля, все одно, самый главный заводило, да и благодѣтель его, провизоръ Адольфъ Францевичъ Глейхеръ,—Петруша, угождая, величаетъ нѣмца свѣтиломъ учености,—пить аптекарь собственного изготошенія, составленную изъ отравнаго зелья да изъ микстуръ горькихъ, какую-то такую крѣость, пойло, что ужъ безъ всякихъ шутокъ чтить себя первымъ мудрецомъ и химикомъ—кругосвѣтнымъ Менделѣевымъ. Александръ Ильичъ, исправникъ, тоже не дуракъ выпить, правда, съ приобрѣтеніемъ у Жердева Чортовыхъ садовъ клятвенное обѣщаніе исправничихъ далъ, Марьѣ Северьяновѣ, ничего и ни подѣ какимъ видомъ въ ротъ хмельного не брать и, пока что, съ самаго Воздвиженья стойко обѣть несетъ. А кладбищенскій попъ Спасовходскій—Сокрушенный, впавъ во искушеніе отъ пьянистенного бѣса, до того допился, что голось у него однажды остановился, и три недѣли молчалъ попъ, не могши ни слова сказать, ни распорядиться, а заговорилъ вдругъ, когда попадья, испробовавъ всѣ средства къ оголошенію батюшки, рѣшилась на крайнюю мѣру и послѣднюю: вынула матушка изъ шифоньерки двадцатипятирублевую бумажку, зажгла свѣчку и на глазахъ у попа стала жечь бумажку,—попъ и заговорилъ. Да чего тамъ, всѣ попиваются; и дома, и въ гостяхъ, и въ клубѣ первое удовольствіе выпить—пьютъ до широкаго свѣта.

И пить будто не выпиваетъ, пьяного за дѣломъ Боброва не видали, на службѣ трезвъ, и словъ такихъ неподходящихъ никто отъ него и никогда не слышалъ.

А въ Студенцѣ за такимъ словомъ въ карманѣ не лазали, умѣли словцо заколодить: и такъ и этакъ самыми неудачными словами бралились, оскорбляя память родителей, и ужъ такъ неосторожно иной выразится, что хоть тащи его къ мировому. Городской судья Налимовъ Степанъ Степанычъ—

Матюганская надѣнетъ себѣ на шею цѣпь да такое другой разъ выпалитъ, такъ затѣкаетъ, инда въ жаръ тебя бросить. А Сокрушенный попъ, какъ заговорилъ тогда, такъ съ тѣхъ поръ все своими именами и называетъ, ничѣмъ не стѣсняясь, ни мѣстомъ, ни лицомъ, ни временемъ, и, хоть на войнѣ и не былъ, а прямо какъ по военному можетъ. А учитель духовнаго училища Шведовъ, развлечения ради, съ Петрушей Грохотовымъ передѣлалъ всю хрестоматію Поливанова по своему и совсѣмъ подѣлать стать судѣй Налимову,—для старшаго возраста, и ужъ въ такомъ неприличномъ видѣ ходила по рукамъ эта хрестоматія, стихи переписывались и заучивались старательно. Телеграфистъ Вася Кабанчикъ, хоть и съѣль облизня, но въ одномъ отношеніи, по имуществу своему, какъ выражался Сачковъ, портной студенецкій, личность весьма примѣчательная, сердцемъ простъ, и по сей день вѣруетъ, что любимый клубный романъ Не говори, что молодость сгубила—поють его хоромъ въ чувствительную минуту податной Стройскій, агрономъ Пряткинъ, секретарь земской управы Нѣмовъ и Грохотовъ Петруша—самый и есть стихъ настоящій некрасовскій, а не шведовское переложеніе для старшаго возраста.

Нѣть, кого другого, а ужъ слѣдователя на томъ свѣтѣ не погонять въ заднія мухи, не сидѣть ему въ озерѣ огненномъ.

И безобразій за Бобровымъ никакихъ не слышино.

А то другой и складень и все, какъ слѣдуетъ, а возьметъ, да и выкинетъ, да такое, что и родныхъ не узнаешь. Купецъ Тяжелкинъ—магазинъ готоваго платья—купецъ, какъ купецъ, а вставилъ у себя въ лавкѣ большія зеркальныя стекла и на радостяхъ что ли, чортъ его не знаетъ, или по природному безобразію своему раздѣлся и, какъ есть, нагишомъ сталъ въ базарный день у кассы всѣмъ на виду. Или Пашка-Папанъ—босякъ, ну, этотъ—шантряпъ, за стаканъ водки готовъ сдѣлать все, что угодно, рубашка по поясъ и всѣ мелочи наружу, никуда отъ него не скроешься, какъ банный листъ.

— Мадамъ, вы должны заплатить двугривенный, а то опозорю!—изводить которую-нибудь чиновницу, пока своего не получитъ.

А для мѣщанокъ свой сказъ:

— Хочешь закричу, что ты гулящая, давай пяточокъ!

И даютъ, ничего не подѣлаешь.

Смѣшино сказать, чтобы за Бобровымъ что-нибудь такое чи-слилось: нѣтъ за нимъ и безобразій, нѣтъ никакихъ несу-разностей.

Опаринъ, голова студенецкій, своя гостиница, его же и номера Барашкова, ктиторъ соборный, а такую взялъ повадку—не иначе просыпаться, какъ подъ зыкъ звонный и, хоть лей ты на него холодную воду и хоть шпарь кипяткомъ, глазъ не раскроетъ, только-что трубнымъ звукомъ и возможно съ одра поднять. А по-номаръ соборный Фараонъ для пропрѣзвленія кровь изъ себя выпускаетъ, ковыряя въ носу: кровь покажется и будто бы въ разумъ приходитъ. Тоже и Ивановъ купецъ, покойный Максимъ Максимовичъ, рыбой торговалъ т у хлянкой, взълся на дочь Зинаиду и заказалъ ей, чтобы не смѣла она у него куска хлѣба братъ, а когда онъ помретъ, не смѣла бы ходить на его могилу, да такъ и въ духовной прописалъ. Или молодой Зачесовъ,—о зачесовой свадьбѣ съ годъ говорили! Въ день вѣнчанья своего послѣ ужина вышелъ Зачесовъ во дворъ прохладиться, очень ужъ жарко было, да и пропалъ. На утро хватились: гдѣ, что?—а молодая одна, ничего не знаетъ, плачетъ.

— Вышелъ,—говорить,—прохладиться и пропалъ

Бросились искать, туда-сюда, все ошарили,—нѣть нигдѣ. Отецъ ужъ и денегъ не жалѣтъ, только-бѣй найти, сто рублей сулилъ, кто сына найдетъ. До трехъ часовъ искали и нашли таки: на Медвѣжинѣ на рѣкѣ на берегу подъ лодкой спить. Холодка искалъ, ну, и хороши!

Несуразностей за Бобровымъ нѣтъ, и на руку чистъ Бобровъ.

А нынче съ такой доблестью много-ль кого сыщешь: бе-рутъ, сколько рука выможетъ. Взять хоть члена управы Семена Михеича Рогаткина, такъ у податного Стройскаго нѣтъ для Рогаткина другого имени, одно прозвище—жуликъ, прямо въ глаза и гласно такъ и величаетъ:

— Жуликъ, мое почтеніе!

А Воздвиженскій батюшка о. Амвросій антиминсь старовѣ-рамъ продалъ:

— Куда,—говорить,—мнѣ такую святыню!—и продалъ.

Сказывали послѣ, антиминсь этотъ воздвиженскій старовѣ-рамъ влетѣлъ въ копейку.

Жизнь что ли тяжела стала, развелось ли много безработныхъ, что работу никоторую не работаютъ, Ѹдятъ труды чужие, Богъ одинъ вѣсть, только этимъ дѣломъ не заниматься, скоро чутъ ли ужъ не въ грѣхъ вмѣнять будуть.

Нѣтъ, и въ рѣкѣ огненной среди татей и разбойниковъ, тамъ не мѣсто слѣдователю.

И на руку чистъ Бобровъ и не путанникъ какой, ни шашней за нимъ, ни такъ какихъ знакомствъ не замѣчали, и только что по должности слѣдователь, а, ей Богу, священствовать бы ему въ Тихвинскомъ дѣвичьемъ монастырѣ вмѣсто о. Харитона.

Всякій знаетъ, что Прасковья Ивановна, слѣдовательша, женщина невзыскательная—гостиница несонная, и ни для кого не тайна, что только и есть слѣдовательская дочка первая Паша, а другія, хоть и Бобровы, а вовсе не бобровскія: Анюта и Катя—товарища прокурора, Зина—лѣсничаго, а младшая Саня—податнаго. Податной Стройскій, студенецкій ухаживатель, До нъ Жуанъ, любитель поразсказать въ клубѣ о своихъ похожденіяхъ и во всѣхъ подробностяхъ, не обошелъ и Прасковью Ивановну и не мало вечеровъ посвятилъ ей. О. Николай Виноградовъ, протопопъ соборный, какъ-то бесѣдуя за трапезой въ кругу друзей своихъ и пріятелей, признался, что бобровское воздержаніе—явленіе необычайное, а Бобровъ — феноменъ. А дѣлопроизводитель полицейскаго управлениія Петроуховъ, искусный въ холощеніи котовъ, какъ-то въ шутку, конечно, перебирая чиновъ студенецкихъ, Боброва совсѣмъ исключилъ, не на шутку полагая, что тутъ ему, по его части, дѣла быть не можетъ. Ну, Петроуховъ, что Шведовъ учитель, въ блудѣ вверженъ, все по своему передѣлаетъ, но о. Николай не таковъ, разумомъ сѣдъ,— слово протопопа глубинномудростно: Бобровъ феноменъ.

Еще бы! Стоить только подумать, что въ загробномъ видѣніи писано о то-свѣтномъ мѣстѣ, гдѣ томятся блудники и прелюбодѣи грѣшники, о блудномъ царствѣ, сколь необозримо оно, и нѣтъ его больше и обширнѣе, и нѣтъ его тверже и сильнѣе! Значитъ, самимъ Богомъ такъ указано, да иначе и быть не можетъ, и развѣ что обратить грѣхъ этотъ на пользу человѣкомъ. Старецъ Шапаевъ, праведенъ и святъ мужъ, не въ волѣ своей ходить, а путемъ Господнимъ, и по любви, старецъ такъ и сдѣлалъ, и ужъ не шумурѣтъ, не шопотомъ лѣчитъ, не на-

говоромъ на масло, не травами, не бобомъ, не двѣнадцатью ключами, какъ бабушка Двигалка—Филиппьева, лѣчить старецъ Шапаевъ блудомъ.

И благонадеженъ Бобровъ, никакихъ даже и въ поминъ за нимъ не было дѣлъ ни въ гимназіи, ни въ университетѣ, ни на службѣ, чистъ Бобровъ, какъ поцѣлуй ребенка, по отзыву исправника, а на бобровскую кинарку, выпѣвающую нашъ русскій гимнъ, зарится самъ Нахабинъ.

Моровой батюшка отъ вседневной обыденной церкви, членъ училищнаго совѣта, о Ландышевъ, ко всякой дырѣ гвоздь, открылъ союзный отдѣлъ въ Студенцѣ и первымъ дѣломъ занялся провѣркой жителей. И Нѣмовъ, секретарь управы, издавна числящійся подъ надзоромъ, попалъ въ крестовый списокъ опасныхъ крамольниковъ, туда же попалъ и бывшій статистикъ Смѣлковъ, неизвѣстно для чего собирающій птичи яйца, туда же попалъ и опаринскій конторщикъ Кулепятовъ, за пѣніе свое вставай-подымайся, и три городскихъ учителя: Сарычевъ, Глушковъ и Пыхачевъ—выписывали учителя вскладчину журналы и читали ихъ вслухъ отъ доски до доски, и заштатный юродствующій попъ Песоченскій за то, что на первой недѣлѣ Велікаго поста на идолобѣсіе уклонился, забывъ заповѣди Божія:—„позволилъ себѣ попъ предаваться пьянству, увеселеніямъ, танцамъ, пѣнію нескромныхъ пѣсень и лакомству жаренаго поросенка“. А Бобровъ—Бобровъ не попалъ.

Какъ ни рылся, какъ ни копался попъ Ландышевъ, а найти преступнаго ничего не могъ: церковь, правда, Бобровъ не часто посѣщалъ, но зато въ табельный день всегда первый на молебнѣ. Почтмейстеръ Аркадій Павловичъ Ярлыковъ не разъ вскрывалъ письма и бандероли Боброва и такъ, по исконному обычая почтовому, и по просьбѣ Ландышева, но все было дозволено и придраться не къ чему: изданія Археографической комиссіи, Русской исторической библиотеки, Общества любителей исторіи и древностей россійскихъ и всякие труды Академіи наукъ, главнымъ образомъ.

И притомъ Бобровъ такой рѣдкій законникъ, ты скажи до Лыкова и въ самомъ Лыковъ такого, пожалуй, мудрено найти: знаетъ Бобровъ наизусть не только законы всѣ—сводъ госуд-

дарственныхъ законовъ, но и какія ни на есть касаціонныя рѣшенія сената.

Николай Васильевичъ Салтановскій, земскій начальникъ, тоже законникъ, въ съѣздѣ только и знаетъ, что у пріятеля своего уѣзднаго члена Богоявленскаго о статьяхъ справляется, нѣть ли такихъ, что построже, и, кажется, будь его полная воля, и самого себя лишилъ бы всѣхъ правъ состоянія. Да все это одна безтолочь, безтолочь и ерунда, и недавно еще купавскаго мужика къ каторгѣ присудилъ онъ на четыре мѣсяца, ну, выданно ли это гдѣ, на четыре мѣсяца къ каторгѣ, не хуже урюпинскаго земскаго начальника Крупкина, который за зайца штрафъ двадцать пять рублей кладеть на всякаго охотника. Членъ Богоявленскій цыкаетъ на пріятеля, зарвавшагося въ законности, и, хоть дружелюбно, по пріятельству, да не хорошо все-таки, ну, а Боброву еще никто въ глаза брысъ не говорилъ, да и не за что, да и невозможно: либо языкъ прикусишь, либо словомъ подавишься. Онъ тебѣ сумѣть отклонуться, его, небось, не обвѣдешь вокругъ пальца, на такого ногой не наступиши--колокъ, рѣчистъ, смѣль.

А бобровская строгость, бобровское судебное безпристрастіе, да отца родного подвелъ бы на висѣлицу, разъ законъ того потребовалъ бы, мать родную не пощадилъ бы, попадись такой случай преступный, помереть готовъ на своей правдѣ, тѣло свое дасть на раздробленіе, крѣпокъ, стоекъ въ своемъ словѣ, въ два пути не найдеть—моль на немъ всѣ зубы поломаетъ, какъ говорилъ покойный голова Талдыкинъ. А точность,—статью не перепутаетъ, точка въ точку, буква въ букву и самое путанное перепутанное дѣяніе твое подъ статью подведетъ; и неутомимая цѣпкость,—за волосокъ ухватится и до корня дойдетъ, все на чистую воду выведетъ, проныръ какой-то; и чутье пёсье,—носомъ по воздуху учуешь, такъ носомъ къ норѣ, къ гнѣзду разбойному и придетъ, и ужъ ты прячься не прячься, какъ не хоронись, а Боброву въ руки попадешься, Бобровъ тебя сцепаетъ.

Кто изловчится поймать вора?—Бобровъ.

Бобровъ умѣль дѣлать то, за что никто не умѣль взяться.

И кажется, искать такого слѣдователя да поискать, да мало, и ужъ въ награду либо ему заживо памятникъ гдѣ на площади поставить, обелискъ какой египетскій, какъ въ Лыковѣ губерна-

торъ Оладынъ воздвигъ въ знакъ заслугъ своихъ на память себѣ и въ поученіе потомству, либо выбрать его почетнымъ гражданиномъ города Студенца, какъ выбрали лѣсопромышленника Нахабина, который въ собственномъ автомобилѣ въ Лыковъ ъездитъ туда и обратно. Какой тамъ памятникъ, какое почетное званіе, куда ужъ!

Четыре страшныя язвы: пагуба, губительство, тля, запустѣніе, а пятая язва студенецкая—бичъ и истребитель рода человѣческаго—слѣдователь Бобровъ.

Всякій разъ, когда въ клубѣ ли, въ гостяхъ ли истощался разговоръ, а въ молчанку играть было не совсѣмъ удобно, да и неприлично: кто молчить, по студенецкому значитъ, дуракъ, всякій разъ въ такія дурацкія минуты приходилъ на умъ слѣдователь Бобровъ, и начиналось перемываніе бобровскихъ косточекъ. А такъ какъ самъ Бобровъ ни въ какія другія отношенія съ обществомъ не вступалъ, кромѣ дѣловыхъ, то изъ всѣхъ подскрѣбовъ, подскрѣбковъ, слуховъ, подслушанныхъ оговоровъ собиралось самое сумасбродное добро для судовъ, рядовъ и пересудовъ, больше прохаживались насчетъ отношеній Боброва къ женѣ, къ слѣдователюшѣ Прасковѣ Ивановнѣ.

Рогачъ—вотъ что чаще услышишь, когда заходить рѣчъ о Бобровѣ.

И съ какимъ хихиканьемъ, съ какими ужимками, съ какимъ гоготомъ обезьянскимъ выговаривался этотъ Рогачъ, но знали прозвище и другое, почуднѣй Рогача—Оглодокъ.

Былъ въ Студенцѣ иѣкто Исцовъ доброписецъ, ходатай по дѣламъ, человѣкъ базарный, прошенія писалъ на базарѣ, онъ же и космографъ—когда бывало солнечное затменіе, стекла коптиль. Въ своемъ драповомъ пальто и картузномъ кѣпи, съ своимъ вздернутымъ хрящеватымъ носомъ и козлиной бородкой, шатался Исцовъ по базару, помахивая красными длинными руками,—лѣвая переломленная.

— Я, какъ пеликанъ,—говорилъ Исцовъ, скашиваясь на свою переломленную руку.

Этотъ-то Пеликанъ-Исцовъ и прозвалъ слѣдователя Оглодкомъ.

Пеликанъ—совершенно вѣрно, живой пеликанъ, но причемъ же оглодокъ—Бобровъ Оглодокъ?

Все сияло на немъ, безукоризненно чистое бѣлье, безупречная во всемъ опрятность, ровно подстриженная борода, не очень коротко, не очень длинно, въ мѣру, ровный безъ хрипинки голосъ—отчетливый чистый русскій говоръ и безъ высокаго лыковскаго оканья, и безъ московскихъ пряниковъ, чисто, какъ надо, и улыбка одна и та же, блеснетъ и заморозить, а идетъ шибко и строго—начальный человѣкъ, а когда станетъ и когда садится, когда руку подастъ, такая во всемъ увѣренность, ровно за плечами Петропавловская крѣпость.

Нахабинъ не разъ въ разговорѣ съ губернаторомъ не то, чтобы жаловался, нѣтъ, а такъ къ слову поминалъ слѣдователя и не очень лестно. Нахабинъ ссыпался на всяkie студенецкіе слухи, и что слѣдователь какой-то неудобный. Студенецкій предводитель Бабахинъ отзывался о Бобровѣ, какъ о человѣкѣ непріятномъ. Моровой батюшкѣ о. Ландышевѣ писалъ и въ Петербургъ и въ Москву, и всѣ ландышевскіе извѣты намекали на какую-то тайную,ничѣмъ неуловимую душетлительную дѣятельность Боброва, отъ гордныи и высокоумія проис текающую. И прокурорскій надзоръ не былъ доволенъ слѣдователемъ, но замѣчаній ему сдѣлать не могъ: и не въ чемъ и не за что.

Словно по тайному уговору всѣми чувствовалось тяжелое что-то, неудобное, камень, и такое обузное, будь хоть какая возможность придраться, придрался бы и сбросилъ бы съ себя эту обузу, камень, и было-бѣ какъ-разъ то самое, чего такъ всѣми хотѣлось. Всѣ донесенія, доносы, кляузы, ябеды, извѣты, всѣ разговоры и толки сводились къ тому, чтобы убрать изъ Студенца слѣдователя. Жить съ Бобровымъ въ братствѣ и пріязни никто не соглашался.

И неоднократно приступали къ начальству, но сокрушили роги свои.

Бобровъ никакихъ повышеній не получалъ, никакихъ наградъ, но и переводить изъ Студенца его не переводили: окружный судъ всегда становился на его сторону, цѣнѧ въ Бобровѣ слѣдователя.

Что же такое, кому и чѣмъ мѣшаетъ Бобровъ, чей вѣкъ заѣлъ, кому сталъ поперекъ дороги?

Живетъ онъ себѣ самъ по себѣ, ни въ дрязги не встрѣваетъ, ни въ какія исторіи не впутывается, никого нессорить,

никого не мирить, и не крестить и не вѣнчаетъ, и самъ не ссорится и самъ не дружить. Онъ свое дѣло дѣлаетъ и дѣлаетъ его честно со всею строгостью безъ единой поблажки, никому не льготя безъ всякихъ попущеній, и другого болѣшаго знать не знаетъ и знать не хочетъ. Ему никого не надо, ни на что онъ не жалуется, никому и ни о чемъ не плачется, онъ свое дѣло дѣлаетъ честно, а живеть себѣ самъ по себѣ.

Да за что же такое?

Праведенъ, только что нѣть осіянія — вѣнца славы вокругъ его головы... да кто же онъ? Богоненавистникъ, христопрода-вецъ, врагъ Божій, врагъ проклятый, пятая страшная язва — бичъ и истребитель рода человѣческаго? И этотъ Рогачъ, этотъ Оглодокъ, этотъ обезьянскій гоготъ, это хихиканье, эти недоб-рые взглѣды?

Въ чёмъ же дѣло?

А вотъ, вѣрно, въ этомъ... въ этомъ-то и дѣло, въ этой жизни его про-себя, въ этой замкнутости его, въ этой его особли-вости, въ томъ, что ни кумъ, ни сватъ, ни пріятель, самъ, одинъ, онъ — Бобровъ. Вотъ въ этомъ-то самомъ, отчего человѣка про-стого, ну карты тамъ и всякие грѣшки за нимъ, и коготокъ и еще кое-что, исправника Александра Ильича Антонова съ души воротить.

Терпѣль Александръ Ильичъ, терпѣль и при всемъ благо-дущіи своемъ дошелъ таки до концовъ, вызвалъ къ себѣ „пажа“ Нашку-Папана — и за двадцать пять копеекъ къ общему удо-вольствію боякъ высадилъ окна слѣдователю.

Ровно въ десять Бобровъ въ своей камерѣ и въ десять вечера подымается къ себѣ на верхъ. Для писаря есть обѣден-ный перерывъ, но самъ онъ остается въ камерѣ, въ камерѣ и чай пить за столомъ, покрытомъ чистой свѣжей kleenкой. Кипы бумагъ и дѣлъ на столѣ. Бобровъ надѣваетъ золотое пенснѣ и подписываетъ бумагу за бумагой. Около стола его въ полу сдѣлалось углубленіе, тамъ стоять арестанты: ихъ много приво-дятъ всякихъ. А онъ сидить прямо, руки на столѣ, — пальцы сухіе, долгіе, какъ пристыли, спрашиваетъ ровнымъ голосомъ съ окаменѣвшимъ неподвижнымъ лицомъ и глядитъ прямо въ глаза, съ кѣмъ бы ни говорилъ. Лыковскій товарищъ прокурора смущается отъ этого ровнаго голоса и прямого взгляда, а лыковскій

товарищъ прокурора—и з в ъ с т н а я с о б а к а . Писаря у Боброва долго не служать, часто мѣняются, не выносятъ бобровской замкнутости, и Парменъ Никитичъ Карievъ, теперешній письмоводитель, и мѣсяца не прослуживъ, подыскиваетъ другое мѣсто. А Бобровъ все сидитъ, такъ безъ малаго двадцать лѣтъ сидитъ, прямо, прямой, окаменѣлый весь, и воротнички его кажутся, какъ камень, и голосъ—слова падаютъ, какъ камень.

Всякій виновный зналъ, что изъ камеры Боброва одна дорога—въ острогъ. Одна дорога, другой не было, а третьей не будетъ. И, переступая слѣдовательскій порогъ, всякий обвиняемый прощался съ волей: вернуться домой не было надежды.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

КОНЦЫ ЗЕМНЫЕ

Сергей Алексеевич Бобровъ—Лыковский: родился онъ въ Лыковѣ, и въ гимназіи учился въ Лыковѣ, и женился въ Лыковѣ, и служба его началась въ Лыковѣ.

Отецъ его служилъ бухгалтеромъ въ казначействѣ, очень точный былъ человѣкъ и за свою точность опекуномъ состоялъ у людей богатыхъ и большія деньги на рукахъ держалъ, и все его уважали. А кончилъ старикъ нескладно, запутался въ чемъ-то и ужъ безъ мѣста дожилъ свои послѣдніе дни.

Несчастье съ отцомъ не получило бы такой огласки, не вызвало бы столько шума и того злорадства, какое пробуждается у людей непотерпѣвшихъ къ облихованному человѣку, не будь за отцомъ такой безупречной славы.

Но это ужъ въ концѣ дней отцовскихъ, а до тѣхъ поръ былъ отецъ въ чести и славѣ, и домъ Бобровыхъ былъ на хорошемъ счету.

Въ домѣ у Бобровыхъ муху было слышно.

Въ домѣ ходили на цыпочкахъ и отецъ, и сынъ, и прислуга: надо было охранять Марью Васильевну, мать, которую и муха могла обидѣть.

Все и дѣлалось для одной Мары Васильевны.

А Марья Васильевна, уставившись въ одну точку, по цѣлымъ долгимъ томительнымъ тяжкимъ часамъ сидѣла, молча, не двигаясь, на диванѣ.

Такой помнить мать свою Бобровъ, и это его первая, на всю

жизнь сохранившаяся память изъ далекихъ первыхъ дней, первой горести, когда онъ, только-что научившись молиться за папу и маму, не могъ самъ по себѣ рѣшить, можно ли и надо ли молиться за лавочника Желткова, у котораго въ лавкѣ такой вкусный лыковскій пряникъ; когда онъ, бывало, возьметъ между ногъ полѣно, да съ полѣномъ по двору, что, говорятъ, на конѣ Ѣздить; когда онъ изъ кубиковъ на полу печку складывалъ и разъ чуть пожара не сдѣлалъ.

И еще вспоминаются ему ночи, просыпается онъ ночью отъ какого-то рѣжущаго сухого всхлипа и съ захолонувшимъ сердцемъ открываетъ глаза: мать сидитъ на постели, а около на стулѣ сидить или стоять надъ кроватю отецъ и что-то все говорить и, кажется, все одно и тоже, одни и тѣ же слова, то скоро, то тише, потомъ, какъ маятникъ, ровно. И такъ до разсвѣта, когда мать засыпала, а отецъ, закутавъ ее въ три одѣяла и такъ подтыкавъ кругомъ, чтобы и щелки клопиной не оставалось, долго и часто крестилъ ее, долго прислушивался и, сгорбившись, на цыпочкахъ выходилъ въсосѣднюю комнату и тамъ, не раздѣваясь, только что безъ сапогъ, ложился на диванъ, и какъ-то виновато—на самый краешекъ, и должно быть, жестоко тряслось его, потому что, и одѣтый, съ головой кутался въ свое сѣре одѣяло и все ворочался, поджимая ноги, пока не свертывался клубкомъ.

И такія ночи повторялись.

Ночи повторялись не часто, но при всей тяжести ихъ, казалось, часто, и привыкнуть къ нимъ нельзя было.

Мальчикъ Бобровъ ни разу ничѣмъ не обнаружилъ, что въ такія ночи и онъ не спить, не спить и все видить. До крови прикусывалъ онъ себѣ губу, чтобы сдерживать слезы, и было ему жалко, и жальче ему было мать.

На другой день, когда послѣ тяжелой ночи мать, уставившись въ одну точку, молча, сидѣла на диванѣ, онъ все вертѣлся передъ ней, по собачьи юлилъ передъ ней и въ глаза ей за-сматривалъ,—и она смотрѣла на него и не видѣла. И онъ тихонько отходилъ въ уголокъ и тихонько складывалъ кубики, строилъ печку.

Ну, что бы ему въ такія минуты приласкать ее, рученками своими охватить ее крѣпко-на-крѣпко!

Или кто-то тяжко обидѣлъ ее, или совсѣмъ не обидѣлъ, а такою пустилъ въ міръ жить, и вотъ передъ нею—одна тяжкая ночь.

Что-то смутно копошилось въ его дѣтской душѣ, и было ему жалко, а выхода жалости не было. Онъ тихонько складывалъ кубики, строилъ печку, пока сама мать не замѣчала его.

И тогда было очень весело, и все забывалось.

— Грубый вы человѣкъ!—какъ-то ночью однажды сказала мать отцу.

Это онъ услышалъ ночью, въ тяжелую ночь, и съ тѣхъ поръ стало ему отца жалко, какъ было жалко мать, и стала онъ слѣдить за отцомъ.

Когда въ домѣ бывало благополучно—Марья Васильевна молча не сидѣла на диванѣ, а что-нибудь дѣлала—рукодѣльница или читала книжку, отецъ обыкновенно смѣшное все рассказывалъ и всѣхъ представлялъ, отчего сама Марья Васильевна смѣялась, но послѣ тяжелыхъ ночныхъ отецъ притихалъ, и ужъ никакихъ разговоровъ въ домѣ не было слышно.

Однажды въ сумерки мальчикъ тихонько вошелъ къ отцу въ его комнату, отецъ не сидѣлъ за бумагами, какъ всегда, а стоялъ передъ образомъ. Висѣла въ его комнатѣ надъ столомъ большая икона Божьей Матери, старинная, почернѣвшая вся, золотомъ писанная—Величитъ душа моя Господа. Стоялъ отецъ передъ Божьей Матерью и какъ-то чудно—голова его крѣпко была вдавлена въ плечи, словно силился онъ поднять неподъемную тяжесть, а когда обернулся, слезы дрожали въ глазахъ.

— За мамочку!—виновато сказалъ отецъ,—за мамочку, чтобы ей легче было, а мнѣ ничего, мнѣ болѣзни пускай всякия, я за мамочку.

„Грубый вы человѣкъ!“—не выходили изъ головы слова матери, и, вспоминая ихъ, онъ видѣлъ отца передъ образомъ, какъ молился отецъ за мамочку, и сейчасъ же видѣлъ мать, какъ ночью плачетъ мать безпомощно.

„Грубый вы человѣкъ!“—повторялись слова матери.

У матери на душѣ что-то тяжелое, а отецъ въ чемъ-то виновенъ, но въ чемъ тяжесть ея и въ чемъ вина его, мальчикъ

не могъ разобраться и, складывая кубики—печку свою, все думалъ и думалъ, а сердце ныло отъ жалости.

И однажды онъ положилъ въ печку щепокъ, досталь спичекъ и зажегъ...

Придя въ возрастъ, когда ужъ вмѣстѣ съ отцомъ сталъ онъ охранять мать, понялъ Бобровъ, что отецъ его самый обыкновенный, какихъ въ Лыковѣ сколько угодно, и звѣздѣ не хватаетъ съ неба и всякие грѣшки за душой, а мать—другой такой въ Лыковѣ нѣтъ, и для нея не отецъ, одинъ ангелъ Господень былъ бы настоящимъ другомъ и хранителемъ.

Марья Васильевна ни на какую болѣзнь не жаловалась, не заморышъ чахлый, дышащій на ладанъ, была она совсѣмъ здоровая, и голосъ у неї былъ сильный и громкій. Глядя на нее, какъ вообще глядитъ, встрѣчаясь, человѣкъ на человѣка своимъ надѣленнымъ зрѣніемъ, но лишеннымъ видѣнія, обездоленнымъ глазомъ, можно было подумать, да такъ и думали, что жизнь для нея—разлюли малина.

А ей Богомъ даны были глаза, такие вотъ самые—и она видѣла. И все, что она видѣла, шло ей въ душу. И она мучилась оттого, что все видѣла. И еще мучилась, что, какъ есть, одна была, а одному нелегко на свѣтѣ быть. И еще мучило ее то, что люди, безъ которыхъ не прожить жизнь, подходили къ ней по свойски, съ своею короткою общею мѣркою, и общенія не умиряли ее, а только ранили.

Дѣла она искала себѣ, чтобы чѣмъ-нибудь заполнить дни, и, найдя дѣло, скоро бросала его: люди, съ которыми волей-неволей приходилось ей сталкиваться, общаго, кромѣ дѣла, ничего съ ней не имѣли, чужие ей совсѣмъ, а такой съ чужими—не дѣло, а мука. Да и подходящаго дѣла ей не было. Дѣло, вѣдь, ея совсѣмъ не житейское! Она только, измучившись, хваталась за дѣла, отъ измученности своей вѣрила, что въ нихъ—покой ея.

Что-то надо было ей сдѣлать, и она знала обѣ этомъ, не знала только, что сдѣлать, и еще больше мучилась.

Сколько разъ собиралась она уѣзжать изъ Лыкова на край свѣта куда-то, въ пустыню какую-то, гдѣ совсѣмъ нѣтъ людей. И тогда въ домѣ начинались сборы. Огецъ покорно собиралъ вещи, какія будто бы въ дорогу ей нужны. Но какъ-то сама себѣ наступала минута—и Марья Васильевна оставалась дома.

И опять приходили тяжелыя ночи.

Поводъ всегда находился: какая-нибудь встреча, какой-нибудь гость — со временемъ въ домъ у Бобровыхъ гостей не бывало, отецъ понемножку всѣхъ отвадилъ — или отъ какого-нибудь разговора, отъ какого-нибудь слова и, кажется, совсѣмъ незначущаго, но падающаго болѣно на измученную душу, — только съ годами можно было усвоить и крѣпко держать въ памяти, чего нельзя было даже и намекомъ касаться при матери. Да мало ли еще сколько вещей вызывали тяжелыя думы — тяжкія ночи.

Если ты раненъ, и самъ вольный воздухъ растравить тебѣ рану.

Какъ рѣдокъ былъ день бобровскаго благополучія!

Если все, кажется, до мелочей было предусмотрѣно, всякия распоряженія по хозяйству отданы, комната прибрана и вездѣ наведенъ тотъ порядокъ, какой любить Марья Васильевна, — вещи размѣщены на столѣ ея по ея выбору, и воды для умыванья наготовлено много — чистоплотность у Марии Васильевны доходила до какой-то болѣзnenности, и все такъ, какъ надо ей, и только протяни руку, все есть, бѣда приходила съ другого конца.

День начинался съ того: или Марья Васильевна сонъ дурной видѣла или какая-нибудь вещь, нужная ей, прямо изъ подъ руки у ней исчезала, какой-нибудь гребенокъ, какая-нибудь подвязка.

И все шло прахомъ.

А дурные сны снились Марѣ Васильевнѣ не рѣдко, а вещи теряла она сплошь да рядомъ. Вещи-то никуда не терялись, никто ихъ не трогалъ, и никуда ихъ безъ нея не перекладывали, — лежали онѣ подъ самымъ ея носомъ, на глазахъ у нея, да она ихъ не видѣла, смотрѣла и не видѣла.

И все шло прахомъ.

И каждый разъ каждое волненіе ея казалось ей послѣднимъ, которое доканаетъ ее, ея концомъ. И каждый разъ она одного просила — смерти.

И въ домѣ жили подъ страхомъ этой смерти.

Уставившись въ одну точку, не двигаясь, молча, сидѣла Марья Васильевна на диванѣ. И такъ проходили часы — долгій томительный тяжкій день.

А отецъ украдкой въ сумерки становился передъ образомъ

въ своей комнатѣ, передъ Божьей Матерью—Величитъ душа моя Господа, и стояль чудно, голову крѣпко вдавивъ въ плечи, словно силился поднять неподъемную тяжесть.

И вотъ ей легчало... Въ слезахъ вся прощенья она просила, что мучаетъ всѣхъ, измучила совсѣмъ.

И Боброву хотѣлось тогда унести мать туда, на край свѣта, туда, въ ту пустыню, гдѣ людей совсѣмъ нѣть, и онъ чувствовалъ въ себѣ огромную силу, которая дастъ власть ему сдѣлать такъ, по-своему.

— Мамочка, насть прости, мы передъ тобой всѣ виноваты.

А отецъ сѣменилъ, руки ея цѣловалъ, что-то бормоча безсловесное, и слезы дрожали въ глазахъ, какъ за молитвой передъ образомъ.

Такъ прошло дѣтство тревожное, на сторожѣ, съ одной главною мыслью, какъ бы чѣмъ не разстроить мать.

Если выдавались дни, когда мать казалась веселой и отецъ на радостяхъ балагурилъ, мысль, что этотъ тихій часъ можетъ въ одинъ мигъ кончиться отъ какого-нибудь звонка неожиданнаго, отъ какого-нибудь воспоминанія горькаго, какое нежданно всплыветъ въ памяти матери, не покидала Боброва. И онъ, ничѣмъ не обнаруживая этой мысли своей, держался на сторожѣ, научился не забываться, навыкъ разсчитывать каждый свой шагъ, чтобы какъ невольно не раздражить мать.

Пропасть между людьми вскрывается не тогда, когда они умышленно раздражаютъ другъ друга, а когда, не вѣдая, нѣ хотя и совсѣмъ не желая, даже напротивъ, желая совсѣмъ другого, невольно одинъ ранить другого. Тутъ ужъ, значитъ, у души съ душой въ самой основѣ нѣть никакой связи, и люди совсѣмъ чужие.

Учился Бобровъ хорошо, но ничѣмъ не выдѣлялся. У него все какъ-то было, всѣ дары, и все онъ могъ хорошо исполнить, на все годился, всѣмъ одарованъ, но такого особеннаго чего-нибудь, устремленности на одно излюбленное, дара особеннаго, ему только даннаго, не было.

Послѣ гимназіи онъ поѣхалъ въ Петербургъ въ университетъ. И въ Петербургѣ все шло гладко, и ученье и жизнь. Отецъ посыпалъ ему денегъ, правда, не такъ уже много, чтобы не ду-

мать оденьгахъ, но онъ привыкъ все разсчитывать и нуждаться не нуждался.

Когда онъ былъ на послѣднемъ курсѣ, съ отцомъ случилась бѣда. Но ужъ онъ въ живыхъ не засталъ стариковъ, одни, въ бѣдѣ такъ они вмѣстѣ и ушли: отецъ, въ дугу согнутый, облихованный, мать—съ остановившимися глазами, которые все видѣли, измученная вся.

Больше не сутился старикъ, не стоялъ у иконы своей, передъ образомъ, больше не просила она смерти, успокоилась. Сперва мать померла, а за ней, и совсѣмъ незамѣтно, потянулся старикъ.

„Какъ же такъ я мамочку одну оставлю, ей и посердиться не на кого будетъ!“—вспоминались Боброву слова отца: это когда онъ разъ въ шутку предложилъ отцу вмѣстѣ въ Петербургъ проѣхать государя посмотретьть,—у старика была завѣтная мечта, и спалъ и видѣлъ старикъ увидѣть государя и непремѣнно поговорить съ нимъ, о чѣмъ поговорить, и самъ онъ не зналъ, а должно быть, о мамочкѣ, такъ что-нибудь.

Похоронилъ Бобровъ стариковъ своихъ, домишко продалъ, получилъ тысячу рублей изъ сберегательной кассы—старикъ эту тысячу скопилъ, на книжку для сына откладывалъ, сдалъ государственный экзаменъ и поѣхалъ за границу.

Годъ провелъ Бобровъ за границей, въ Парижѣ, и тамъ жизнь такъ же ровно шла, какъ и въ Петербургѣ, до всего добивался онъ, все хотѣлъ вывѣдать, высмотрѣть, перенять. И вернулся онъ въ Россію не въ Петербургъ, не въ Москву, а въ родной свой Лыковъ,—кандидатомъ въ Лыковскій судъ.

По отцу встрѣтили Боброва въ Лыковѣ не очень дружелюбно, недружелюбно и подозрительно, но ужъ скоро замѣтили его исполнительность и серьезность въ отношеніи дѣла и черезъ три года назначили въ Студенецъ слѣдователемъ.

Бобровъ женился и переехалъ въ Студенецъ.

Ехалъ онъ на новую свою должность съ самыми благими намѣреніями—годъ заграничный парижскій оставилъ въ немъ неизгладимый слѣдъ, и дѣло его въ Студенецѣ представлялось ему широкой общественной дѣятельностью на благо не только Студенца, а и всей Россіи.

Въ Студенецѣ прежде всего попробовалъ онъ сблизиться съ

мѣстнымъ обществомъ, но изъ общеній своихъ вынесь самое горькое чувство.

И, осторожный, расчетливый, не разъ и не два онъ провѣрялъ себя.

„Можетъ, онъ ошибается? И если всѣ кажутся ему такъ грубы, ну, въ глубинѣ-то души, вѣдь, долженъ же каждый чувствовать себя такимъ, каковъ есть на самомъ дѣлѣ, чувствовать, знать и мучиться?“

Но этотъ прописной вопросъ его заглушенъ былъ другимъ вопросомъ:

„Да у всякаго ли есть она, эта глубина, глубина души хваленая, чтобы чувствовать?“

Нѣтъ, онъ не ошибался.

„Люди вообще существа грубыя,“—тогда это въ немъ такъ и врѣзалось.

И никогда такъ близко не вспоминалась ему мать, Марья Васильевна, какъ въ эти первые дни его дѣловой отвѣтственной жизни. Только матери дано было и близко было горнее и предвѣчное, а ему—далнѣе. Ея истонченную душу, глаза ея съ ея видѣніемъ взялъ онъ мѣриломъ суда надъ людьми, и вынесь свой жестокій приговоръ.

„Люди вообще существа грубыя,—и ужъ скоро добавилъ онъ,—и глупые,—какъ добавить впослѣдствіи,—и лютые“.

И Бобровъ началъ свою дѣятельность, развивая въ себѣ до совершенства всѣ качества слѣдователя: строгость, судебнное безпредвѣстіе, точность, неутомимую цѣпкость и чутъе песье.

И все это, весь свой трудъ полагалъ онъ во имя закона.

Хорошъ или дуренъ законъ, но въ законѣ видѣлъ онъ единственную крѣпкую узду, чтобы сдерживать людскую грубость, и въ законѣ, только въ законѣ видѣлъ онъ спасеніе Россіи, безъ чего, казалось ему, Россіи не быть.

Такъ началась дѣятельность Боброва.

До какихъ бы краевъ дошла она въ другихъ благопріятныхъ условіяхъ, одинъ Богъ вѣсть: силу онъ чувствовалъ въ себѣ огромную, сила не отпускала его, а росла съ дѣлами,—и казалось, онъ могъ бы совершить невозможное, какъ тогда, въ минуты жалости своей, когда хотѣлъ мать свою на край свѣта унести, въ пустыню, гдѣ нѣтъ совсѣмъ людей.

Въ семейной жизни Боброву не повезло.

Счастливо начавшаяся жизнь его съ Прасковьей Ивановной скоро кончилась несчастно. Не такъ ему хотѣлось, и не такъ было тому дѣлу быть, да ужъ судьба.

Если мать Марья Васильевна представляла собой одинъ духъ живыи, и это сказывалось во всемъ, въ улыбкѣ, въ глазахъ и особенно въ губахъ ея, а въ тѣлѣ ея было настолько теплоты живой, насколько надобно ея для жизни, въ которой горѣлъ духъ, Прасковья Ивановна—лице земное по своему горѣла, и напруженныя губы ея, казалось, вотъ лопнутъ.

Боброву памятенъ вечеръ первой ихъ встрѣчи: ладонь ея, когда онъ прощался, пыхала при прикосновеніи, и онъ, какъ обожженный, ушелъ тогда домой, и съ той минуты только что о ней и была у него одна мысль, только о ней. И когда, встрѣчаясь, онъ говорилъ съ ней, слова ея пустяшныя, вдругъ значительныя, были для него знаками того самаго существа ея, что обожгло его въ ихъ первую встрѣчу.

И какъ у матери сущность ея— духъ живыи, горящій въ ней, покорялъ себѣ въ неволю на всю жизнь, такъ у жены сущность ея—лице земное, пламенность, одна, бездушина, кровь покоряла навсегда.

Тайна сія велика есть.

Прасковья Ивановна, тѣкъ Богомъ одаренная, была до конца желанной, поскольку, желая и дѣйствуя, оставалась сама собою въ своей самости—животнымъ прекраснымъ и добрымъ, и становилась невыносимой—мелочной и мелкой, сварливой и застистливой, жадной и жестокой, какъ только выказывался въ ней человѣкъ не безыменный, а съ метрикою, занимающій опредѣленное мѣсто въ обществѣ.

Эта-то человѣкость и поставила Прасковью Ивановну въ уровень мѣстнаго общества, сдѣлала ее всюду своимъ человѣкомъ, столпомъ во всякихъ студенецкихъ дрязгахъ. Прасковья Ивановна заняла одно изъ первыхъ мѣстъ среди клубныхъ дамъ.

Хорошая хозяйка, она могла перекричать любую базарную торговку, сдѣлать выгодно покупку—а базарь—воръ!—и надуть ее было такъ же трудно, какъ бабушку Дигалку—Филиппьеву, которая, волшебствуя бобомъ и ключами, на бобѣ и ключахъ своихъ ржавыхъ чайную открыла—Колпаки.

Если бы не Бобровъ съ своимъ норовомъ, Прасковья Ивановна не только не побрезговала бы приношениями, а, надо полагать, развела бы сущее людодерство, въ ходъ установила бы— поборъ за дѣла слѣдовательскія, и далеко оставила бы за собой исправничиху Марью Северьяновну, а Марья Северьяновна—у ней на всякой вещи имя ея цвѣтами да букетами вышито, жердевскіе Чортовы сады къ рукамъ прибрала.

Въ первый годъ женитьбы у Боброва родилась дочь. Домъ округлился. И жить бы поживать слѣдователю со слѣдовательшей, но ужъ на слѣдующій годъ не стало для Боброва его счастливаго дома,—одно название, домъ.

На первый день Пасхи горничная со злости на барыню, недовольная праздничнымъ подаркомъ, положила къ Боброву въ карманъ письма Прасковы Ивановны: отъ товарища прокурора Удавкина къ Прасковѣ Ивановнѣ.

Вотъ тебѣ за пасхальный подарокъ!

И можетъ быть, лучше было бы для него такъ, безропотно и послушно, такъ, не читая, и передать женѣ эти письма.

Бобровъ этого не могъ сдѣлать.

Тотъ пламень, что обжогъ и покорилъ его навсегда, огонь преисподній—гроза, огонь—пучина—опустошеніе, кровь съ той же силой ножомъ врѣзался ему въ сердце. И боль вызвала въ немъ отчаянное любопытство: съ какимъ отчаяннымъ наслажденіемъ перечитывалъ онъ строчки, въ которыхъ ясно описывалось отношеніе товарища прокурора къ его женѣ.

Кончилъ читать, сложилъ такъ, какъ было, и, собравъ въ себѣ весь норовъ свой, все упорство, и, ничѣмъ не обнаруживая чувствъ своихъ, Бобровъ передалъ письма женѣ, какъ пустяки какія, какъ шпильки, безъ всякихъ словъ.

Съ этихъ поръ жизнь его пошла уединенно и одиноко,— забывай, значитъ, прежнее!

Въ домѣ все осталось по-старому, такъ же приходили гости, какъ и прежде, еще больше гостей, еще чаще устраивала вечера Прасковья Ивановна, еще чаще наѣзжалъ изъ Лыкова Удавкинъ, товарищъ прокурора, и было очень весело.

Бобровъ появлялся на люди только къ чаю и опять уходилъ въ свою комнату.

Родилась вторая дочь.

И когда сказали ему, что у него родилась дочь, онъ принялъ извѣстіе необыкновенно спокойно, вошелъ къ женѣ, и такой выдержанній, каменный весь, сталъ передъ ней, и вдругъ всхлипнувъ, какъ мать когда-то въ тяжкія ночи свои, рѣжущій сухимъ всхлипомъ, отъ котораго морозъ по кожѣ бѣжитъ, ударила жену палкой.

— Сука не можетъ не метать!—ударилъ онъ ее палкой и, не обернувшись, вышелъ.

Ужъ рѣдко Боброва видѣли съ гостями, рѣдко выходилъ онъ къ чаю—чай ему подавали въ его комнату. А съ женой разговоръ у него былъ простъ и коротокъ: о деньгахъ, о расходахъ, какъ съ письмоводителемъ о дѣлахъ.

Не прошло и году, а Прасковья Ивановна опять была беременна.

И тутъ произошелъ однажды случай, ужъ окончательно загнавшій Боброва въ его жестокое молчанное житіе.

Боброва разбудили ночью: съ барыней худо.

Что-нибудь, дѣйствительно, было неладно, ужъ разъ она сама позвала его: съ рожденія второй дочери, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ ударила онъ жену палкой, онъ больше не входилъ въ ея спальню.

И вотъ въ первый разъ онъ вошелъ къ ней ночью, въ ея спальню.

Не подымая головы, сидѣла она на смятой постели и тихо плахала, и было что-то за сердце хватающее въ этомъ плачѣ ея, тихомъ и горькомъ.

Онъ пробовалъ заговорить съ ней, разспрашивать сталъ, какъ спрашиваетъ докторъ: и что съ ней, въ чемъ дѣло, и на что она жалуется? Но она и звука не подала въ отвѣтъ, словно не слышала его.

Въ комнатѣ они одни были и, кромѣ нихъ, никого не было.

Онъ стоялъ передъ ней безнадеждно, онъ чувствовалъ, какъ тлѣеть, какъ томится его сердце.

Онъ ей помочь готовъ, онъ ей поможетъ, онъ все для нея сдѣлаетъ. И какъ это повернулась у него рука ударить ее! Она одна для него, она все для него.

Онъ стоялъ передъ ней безнадеждно, и сердце его тлѣло, томилось.

А она тихо и горько плакала—зяблое, упалое дерево. И вдругъ поднялась съ постели, твердо, крѣпко стала на землю и неуклюже нагнулась, и ниже, все ниже—до земли, до самой земли—въ ноги ему.

— Знаю,—сказала она,—знаю, все знаю!—сказала она непохожимъ голосомъ и смотрѣла, все будто видя, и не видя, горячимъ слѣпымъ своимъ глазомъ.

Съ этой ночи Бобровъ сталъ пить.

Обыкновенно послѣ службы, усѣвшиесь за книгу, за полночь читалъ онъ, и тутъ наступала такая минута,—тишина ли ночи и горечь полуночная, воздухъ ли, какъ самъ себѣ говорилъ Бобровъ, а потомъ ужъ по привычкѣ, сложивъ книгу, онъ пилъ и, обезумѣвъ, валился. А утромъ, безумный отъ водки, обливался онъ холодной ледяной водой и, тщательно одѣтый, шелъ внизъ въ свою слѣдовательскую камеру начинать дѣла.

И какая увѣренность была въ каждомъ движениѣ его, въ каждомъ шагѣ, въ каждомъ словѣ!

За плечами чувствовалъ онъ Петропавловскую крѣпость, а жизни ему и вершка не было.

И когда было дознано, что Бобровъ пьетъ,—отъ всевидящаго Бога легче склониться, чѣмъ отъ людей!—и притомъ пить Бобровъ одинъ, запершись, втай, потиху, это не только не вызвало къ нему сочувствія, нѣтъ, еще больше откололо его,—иное дѣло, если бы пилъ въ компаніи, быль бы тогда свой человѣкъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

МОЛЧАННОЕ ЖИТЬЕ.

Въ Петербургѣ спросиши стаканъ чаю, стаканъ и дадутъ, въ Москвѣ спросиши стаканъ чаю, чайникъ дадутъ, въ Кіевѣ—съ своимъ чайникомъ иди, а въ Студенцѣ—самоваръ тебѣ на столъ да со стаканами: кого люблю, тому дарю.

Студенецъ на горѣ—лѣсная сторона. Противъ города на другой горѣ монастырь,—нѣкогда старцы пустынны, работая Богу и церкви Божіей, жили въ немъ, отшельники, питались лыками да сѣно по болоту косили въ богомысліи и умной молитвѣ, а теперь монашки лягушачью икру сушатъ,—помогаетъ отъ рожи, да коровъ развели и молоко продавать возятъ на заводъ въ Лыковѣ,—Тихвинскій дѣвичъ-монастырь. Между горъ рѣка—сплавная рѣка Медвѣжина. Кругомъ лѣсъ. Въ лѣсу муравей, и нѣть его жирнѣе и больши, женщины ловятъ.

Деревянная рѣдкая стройка, заборы. Изъ-за тесовыхъ заборовъ рѣдкія деревца—ветлы какія-то, одни прутья торчатъ. На заборахъ подходящія остановкамъ, выцарапанные и намѣлованные стихи, назидательные весьма, но совсѣмъ не для громкаго чтенія. Покосившіеся домишки, крашенные въ самый неожиданный цвѣтъ—цѣлая пестрая деревня, одинокій каменный домъ Нахабина съ золотыми львами на воротахъ—живетъ Нахабинъ богатымъ обычаемъ, трехъэтажная Опаринская гостиница, да кирпичный красный сундукъ—номера Бабашкова, каменный бѣлый соборъ и острогъ бѣлый каменный.

Улицы немощенныя, отъ тротуара до тротуара—стоялая лужа, переходъ черезъ улицу по доскамъ, доски отъ ветхости вѣ-
141

лись въ грязь, и по осени, знай, подвязывай калоши, а то зачерпнешь.

По уграмъ лужайки, у домовъ огороды. Лужайки обхожены коровами и лошадями, огороды по веснѣ благоухаютъ особенно—весенней городской поливкой.

Въ лужахъ, какъ мертвяя, дрыхнуть студенецкія свиньи, и лишь какой поросенокъ бродить по уши въ липкой грязи.

Городская жизнь идетъ не густо, не влко отъ новаго и до новаго года, который встрѣчается дважды: и въ Васильевъ вечеръ, какъ полагается, и тридцатаго на Анисью—на Анисью каждый для себя встрѣчаетъ, на день будто бы жизни прибавится.

Въ канцеляріяхъ скрипить перо и щелкаеть машинка. Въ пожары бываютъ въ набатъ. Озорники озорничаютъ: наклеиваютъ Боброву на окна вещи совсѣмъ неподходящія, сложенные на манеръ кораблика изъ синей канцелярской бумаги, или вымажутъ ручку звонка масляной краской, огадять крыльцо, или пошлютъ цѣнной посылкой морковь какую, ну, хоть той же учительницѣ Февралевой, откладывающей изъ своего жалованья на поѣздку въ Петербургъ учиться. Лѣтомъ, когда дамы выходятъ на Медвѣжину купаться, кавалеры залегаютъ въ кусты. Плавать никто не умѣеть, а плещутся у берега и визжать, и только одна слѣдовательша Боброва выплываетъ на середку.

Временамъ и срокамъ ведется свой особый студенецкій счетъ. Для вящеи точности приводится не годъ, не день, а нѣкое событие лѣтописное, достойное памяти.

— Въ тотъ самый годъ,—такъ говорять,—когда покойный мировой судья Иванъ Михайловичъ Закутинъ выбилъ окна Будаеву адвокату.

И такъ еще:

— Въ тотъ самый годъ, когда кладбищенскій попъ Азбуковъ со свояченицей своей Анфусой запарилъ въ банѣ въ два вѣника попадью свою и получилъ члена консисторіи.

Или еще вотъ какъ:

— Въ тотъ самый годъ, когда старшая дочь Пропеиншева Ираида выбросилась изъ окна: „Полечу, говорить, къ Богу!“ и разбилась на смерть.

Есть въ Студенцѣ и для погоды свой особый барометръ. Въ верхнемъ этажѣ управы держать сумасшедшихъ: если сумас-

шедшіе поютъ—къ перемѣнѣ, кричатъ—жди ненастья, а ведуть себя тихо, будетъ вѣдро.

Зимою много снѣга и крѣпкій морозъ. Лѣтомъ—пыль, зной, комары. Въ августѣ начинай топить печи.

Зашуритъ солнце свой рыжій осоловѣлый глазъ изъ-за двухъ блиновъ-тучъ, сядеть за гнилые заборы, и закрываютъ по домамъ ставни, и ужъ весь городъ—на боковую.

И только свѣтятся окна клуба.

Студенецкій общественный клубъ—мѣсто покояща и пагубы.

Пять клубныхъ комнатъ—во всѣхъ одинаково желтоватыя подъ орѣхъ обои, крашеный полъ. Въ гостионѣ у дивана по стѣнѣ жирныя головныя пятна—слѣдъ добросовѣстной работы студенецкаго парикмахера Юлина—Гриши и Отреѣва, въ красномъ углу просиженное кресло—съ незапамятныхъ временъ обивка разрѣзана ножомъ. Висячія съ подвѣсками лампы. Пропойный табачный духъ.

Клубная библіотека рядомъ съ уборной.

„Пройти въ библіотеку“,—означаетъ: „пойду въ уборную“.

А въ уборной среди всякихъ непечатныхъ заборныхъ стиховъ и восклицаній начертана историческая надпись, сохранившаяся отъ дней свободы.

„Да здравствуетъ республика!“

Зимою въ клубъ выписываются газеты, лѣтомъ не выписываются: въ жару не до чтенія, и кому читать?

Клубная горничная Лизка вся въ розовомъ, съ завитками—общественная кружка, такъ величаютъ горничную клубные пріятели. Клубный поваръ Василій, и въ снѣди и въ питіи славный, а въ своемъ мороженомъ несравненный: увѣряли, между прочимъ, что кладетъ Василій въ мороженое, и притомъ совсѣмъ незримо, мелко-на-мелко истолченаго перцу. Клубный буфетчикъ Ермолай Игнатычъ, бывалый на Дальнемъ востокѣ, неподражаемо кричалъ уткой и пойзломъ, и всю закуску подъ сѣткою держитъ и це столько отъ муhi—зимой какая же муха!—а чтобы кто чего, захватя, не унесъ.

Старшина клуба—уѣздный членъ Иванъ Феоктистовичъ Богоявленскій хромоногій и пьетъ и глядить въ оба, безъ выигрыша изъ клуба не выходитъ, и хоть поймать не ловили, а словно бы и шулерь.

Клубные члены—все свои люди.

Самъ Александръ Ильичъ исправникъ—членъ первый. За исправникомъ—студенецкіе чины. Городской судья Налимовъ Степанъ Степанычъ—трезвъ, какъ куръ, и лишь разъ въ году на свои именины не уступаетъ и Ивану Никанорычу Торопцову, а докторъ любить похвастать, что усидѣлъ девятнадцать бутылокъ въ одинъ вечеръ. Земскій начальникъ Салтановскій Николай Васильевичъ—Законникъ, акцизный Шверинъ Сергій Сергіевичъ—студенецкій спортсменъ, по университетскому знаку необыкновенныхъ размѣровъ и въ какой-угодно свалкѣ отличить его можно, ловкачъ поразсказать о заграничныхъ порядкахъ, а по кличкѣ Табельдотъ или Метрдотель, какъ придется. Агрономъ Пряткинъ Семенъ Федоровичъ—послѣ двѣнадцати рекомендуется свиньей, чувствителенъ необычайно, рыдаетъ и умѣеть такъ всхлипывать, какъ весенний голубь, пріятели дразнятъ его Аграфеной, на которой, прикрывая чай-то грѣхъ, агрономъ женился, а какъ,—не помнить. Секретарь управы Василій Петровичъ Нѣмовъ—разумливъ, изъ всѣхъ самый толковый, а найдетъ волна и сидитъ по недѣлямъ въ клубѣ, горькую пьеть. Податной Стройскій Владіміръ Николаевичъ—Донъ Жуанъ студенецкій, выпивши, привязчивъ, какъ докторъ Торопцовъ, а когда хмель разниметъ, плачетъ, какъ агрономъ Пряткинъ. Почтмейстеръ Аркадій Павловичъ Ярлыковъ—студенецкій охотникъ, многочаденъ, какъ землемѣръ Каринскій. Лѣсничій Кургановскій Эрастъ Евграфовичъ—Колодѣа, членъ управы Семенъ Михеичъ Рогаткинъ—подрядчикъ, поставляетъ и сѣно и лѣсъ, даже строить мосты, человѣкъ простецкій, не столько самъ пьеть, сколько подпаиваетъ. Неизмѣнныи Грохотовъ Петръ Петровичъ ветеринаръ—Райская птица, по морозу въ одномъ пиджакѣ ходить, легокъ ногами, человѣкъ, хоть и семейный, баба его всѣмъ извѣстна, но бездоменъ, какъ Пашка—Папанъ, боясь студенецкій, и удопреклоненъ: валится тамъ, гдѣ его хмель свалитъ.

А за Петрушой ужъ всякие: и учителя, и канцеляристы, и писцы.

Изъ клубныхъ дамъ самая дѣятельная — исправничиха Марья Северьяновна. За Марьей Северьяновной ея пріятелиницы Анна Савиновна, жена акцизнаго, начальница ремесленной школы

рукодѣлья, слѣдовательша Боброва Прасковья Ивановна, докторша Торопцова Катерина Владимировна—Лиза будка, пѣвица студенецкая, и, хоть дальше Казани никуда не выѣзжала, но съ заѣзжимъ человѣкомъ можетъ такъ разговоръ повернуть, словно бы всю-то жизнь прожила въ Петербургѣ.

Въ клубѣ играютъ, єдятъ, разговариваютъ. Играютъ въ рамсы и преферансъ, рѣдко въ винтъ, а послѣ двѣнадцати—въ желѣзную дорогу. Разговоры—студенецкія сплетни, мнѣній ни у кого никакихъ: такъ, куда вѣтеръ.

— Тepерь, знаете, по другому считается!—любимый за-пѣвъ, за которымъ жди отзывъ совсѣмъ противоположный вчерашнему.

Въ часъ по домамъ: пора и честь знать.

Дорога изъ клуба лежитъ мимо дома предсѣдателя земской управы Бѣлозерова. Ноги не твердо, но по привычкѣ волокутъ къ завѣтному дому предсѣдателя.

Предсѣдатель Бѣлозеровъ, студенецкій помѣщикъ, щеголь изъ неокончившихъ лицействъ, держался въ сторонѣ отъ клубныхъ пріятелей, но дѣло не въ самомъ Бѣлозеровѣ, а въ Василисѣ Прекрасной.

Эту Василису Прекрасную поялъ себѣ предсѣдатель прямо на корню, какъ говорилъ Исковъ—Пеликанъ: работала Василиса на сплавной баржѣ, надѣ помпой, увидѣлъ ее Бѣлозеровъ, остановились глаза его на Василисѣ, взыграло сердце, и купилъ онъ ее у родителей. Въ своеемъ домѣ держалъ Бѣлозеровъ Василису взаперти—сидѣлъ, какъ ястребъ надѣ бѣлымъ тѣломъ, и лишь въ праздники разряженную по послѣдней модѣ выпускалъ ее въ церковь къ обѣднѣ. И ужъ Богъ вѣсть съ какими цѣлями, по нелюдимству что-ли своему, заставлялъ онъ Василису раздѣваться и такъ нагишомъ прогуливаться въ гостиной, увѣшанной зеркалами, а самъ разляжется на диванѣ, лежить и курить, либо велитъ поль вытиратъ и безъ того, какъ зеркало, ясный, и тоже лежить да покуриваетъ.

Въ щелку въ освѣщеннное окно можно все разглядѣть, не надо и щуриться.

И въ часъ крѣпкаго студенецкаго сна, въ часъ вторыхъ пѣтуховъ не рѣдко можно видѣть, какъ у щелки освѣщенаго Бѣлозеровскаго окна, дружно обнявшись, припадаютъ къ окну

полуночные пріятели, и наступаетъ такая минута—Петруша Грохотовъ ногтями царапаетъ стѣну.

Дальше дорога поворачиваетъ къ дому слѣдователя Боброва. Пріятели не обойдуть и его, и чай-нибудь кулакъ ужъ непремѣнно дубаснетъ въ ставню, а въ верхнемъ окнѣ у слѣдователя и не мигнетъ, упорно горить одинокій безсонный огонь.

Съ тѣхъ поръ, какъ съ семьей было покончено и домъ разоренъ, изъ вечера въ вечеръ оставаясь одинъ, въ молчанномъ житіи своемъ, Бобровъ, кромѣ чтенія, большую часть часовъ ночныхъ удѣляя сочиненію.

Сочиненіе его выходило замысловатое, нѣчто въ родѣ обвинительного акта и не лицу какому-нибудь извѣстному, не студентскому подсудимому, а всему русскому народу. И было похоже на то, какъ когда-то въ старину въ смутные годы дьякъ Иванъ Тимофеевъ въ „Временникѣ“ своемъ, подводя итогъ смутѣ, выносилъ свой приговоръ русскому народу, безсловесно молчащему, а троицкій монахъ Авраамій Палицынъ судилъ русскій народъ за его безумное молчаніе.

Отъ столповъ московскихъ, съ начала государства русскаго до послѣдняго заворошенія—памятныхъ дней свободъ собирались Бобровъ дѣянія народныя и творилъ надъ ними свой судъ.

Обиды, насилиство, разореніе, тѣснота, недостатокъ, грабленіе, продажа, убійство, непорядокъ и беззаконіе-- вотъ русская земля.

Нестойкій, другъ съ другомъ неладный, бредущій розно, разбродный и смолчивый, безгласный—вотъ русскій народъ.

Къ совѣсти русскаго народа обращался Бобровъ, ибо въ совѣсти народной—покой земли.

Что же спасетъ русскую землю, вырванную, выженнюю, выбитую, вытравленную и опустошенную? Кто уничтожаетъ крамолу? Кто разорить неправду? Что утолить вражду? И гдѣ царскій костыль?—все въ розни, въ конецъ разорено! Гдѣ безстрашныя прямыя думы, безтрепетное сердце?—думаютъ, что править и строить, а наводятъ землю на лихо! Безнарядье низложитъ русское царство, смететъ русскій народъ.

Законность, искони невѣдомая Россіи, вотъ столпъ, которыемъ укрѣпится земля.

Сочинение со временемъ было заброшено, писаться ужъ ничего не писалось, но вся сила его, все воодушевлѣніе, чувство, проникающее каждое слово, и дерзостно и повелительно обращенное къ русскому народу, къ родной землѣ, осмысливало безмысленную, разбитую жизнь Боброва.

Онъ зналъ, для чего ему надо по утру подняться и ити внизъ въ свою слѣдовательскую камеру, и терпѣливо сидѣть до вечера, допрашивать и подписывать бумаги, и на слѣдствіи во время облавы гоняться пскомъ по разбойнымъ слѣдамъ.

Законность, единственное спасеніе гибнущей Россіи, законность, выкоренить корень которой долгъ всякаго русскаго, любящаго свою родину, законность, безъ которой не можетъ быть русскаго государства, законность, которую проводилъ онъ въ своей дѣятельности, была его крѣпостью, смысломъ его жизни — дѣломъ его души.

Сочиненіе лежало въ ящики письменнаго стола, ящикъ запертъ на ключъ. И проходили мѣсяцы, годы, а онъ не отпиралъ ящика, не раскрывалъ тетради, но въ минуты безумія среди одинокой ночи всѣ помыслы его обращались къ завѣтной тетради, къ кресту трудовъ его, и гнѣвъ его разгорался.

Сидя передъ зеркаломъ одинъ среди ночи въ ночи онъ заводилъ свой тайный разговоръ, свою буйную рѣчь — къ зеркалу, къ самому себѣ, какъ съ площади московской съ Лобнаго мѣста, съ Петровскаго подножья отъ памятника русскаго великаго царя къ русскому народу.

Та боль, та душащая тоска собственной своей разоренности, отъ которой воздухъ спирался и хотѣлось пить до одури, вылились съ годами въ жесточайшія обличенія — въ плачъ надъ разоренностью земли русской о погибели русскаго народа.

И вотъ будто въ рукѣ его и вяжущая, и рѣщающая сила, знаетъ онъ и корень зла, и средство спасенія, можетъ онъ указать, чѣмъ и какъ спастись Россіи.

А съ каждымъ днемъ безтолковая жизнь приносила ему все новыя беззаконія.

„Или ужъ самоуправство вошло въ плоть и кровь русскаго народа? — спрашивалъ онъ себя, — и замѣшались всѣ люди, а вѣка строющаця Россія разваливается, разсыпается и послѣдній русскій забываетъ свою родную рѣчь, а смерть не

спить—сильный чужой народъ вотъ полчищемъ вступить въ страну, смерть не спить—растерянный, расшатанный, ослабленный, оплеванный, оплевывающійся, спившійся русскій народъ—бронникъ народъ!—безъ боя, нѣтъ, на разоренномъ полѣ своемъ, предавая братъ брата, предастана врагу“.

— Придуть дни,—говорилъ онъ,—да это правда, пророчество право, дни ужъ идутъ, приближается срокъ, когда живущіе въ этомъ дворѣ не ступятъ по нему ногами своими, и затворятся его ворота и не отворятся болѣе и запустѣтъ этотъ дворѣ—запустѣтъ Россія!

А передъ глазами его изъ глуби вѣковъ вставала строящаяся Россія, когда клались соборы, срубались церкви, ставились колокола.

Пожаръ уничтожитъ все до послѣдняго, и вновь упорно и терпѣливо на пепелище свозятся камни и лѣсъ и снова подымается стройка. Такъ городъ за городомъ застраивалъ народъ большую землю—Русь. И чѣмъ крѣпче церковь, чѣмъ выше храмъ, чѣмъ больше звонить колоколовъ, тѣмъ сильнѣе городъ, смѣлѣе рѣчъ—русская рѣчъ. Такъ храмъ за храмомъ—городъ за городомъ строилась Россія.

И вотъ не поганый Ахмыла, Грозный царь приходитъ на свою землю и разоряетъ свой родной русскій городъ.

— Когда новгородскаго владыку, обряженаго шутомъ, по приказу царя возили по городу съ бубенцами верхомъ на бѣлой кобылѣ, когда всенародно поставленные на правежъ до полузысячи монаховъ палицами забиты были на смерть, вотъ когда еще беззаконіе ядомъ вошло въ русскую кровь. И московскій святитель, мученикъ, вѣрный и твердый сынъ Россіи, правъ. Да, „У татаръ есть правда, во одной Россіи нѣтъ ея, во всемъ мірѣ ты встрѣтишь милосердіе, а въ Россіи нѣтъ состраданія даже къ невиннымъ и правымъ!“

И одно за другимъ изъ казней казнь, смертною для народа казнью, беззаконіе—съ верху разгромъ, съ низу погромъ все тяжче, все неистовѣе вставали передъ нимъ изъ вѣка черезъ Москву съ ея застѣнками, черезъ смуту съ ея предательствомъ, черезъ Петербургъ съ его злодѣйствомъ до послѣдняго завороженія—памятныхъ дней свободъ.

Въ крови беззаконный, развращенный беззаконствомъ ужъ

представлялся ему русский народъ затвореннымъ исоглавымъ народомъ, который въ концѣ вѣковъ, въ конечные дни земли и свѣта бросится съ воемъ, кривляясь, пьяный отъ воли изъ своего тысячелѣтняго плѣна на свободные народы и истребить всѣ царства.

Клопами обкidyвали беззаконства родного народа, и уста его закипали кровью.

— Когда на аграрномъ погромѣ, спаливъ усадьбу, погромщики выкололи глаза лошадямъ, когда въ еврейскомъ погромѣ громили вбивали въ глаза и въ темя гвозди, когда околодочный въ участкѣ тушилъ папироску о голое тѣло арестантки, когда хулиганы, ограбивъ прохожаго, отрѣзали ему губу такъ, ни для чего, когда революціонеры убиваютъ направо и налево по указкѣ какого-то провокатора, когда воры распяли купца, прибивъ его руки гвоздями къ стѣнѣ, а ноги къ полу, требуя денегъ, когда судья оправдываетъ явнаго убійцу-погромщика,— кто это дѣлаетъ, какой народъ?— и вспоминается ему, какъ недавно въ холодной арестованные хулиганы расправлялись съ сектантомъ за его отказъ перекреститься, обливали и били его, а полицейскіе у окошка, сочувствуя, поощряли ихъ, и, обозленные его терпѣніемъ, повалили его на полъ лицомъ—одни сѣли на спину, другіе ему загибали утку, чтобы сломать хребетъ, измучились, а не сломали и, наконецъ, забили ему носъ и ротъ табакомъ,— кто это дѣлаетъ, какой народъ?... А когда деревенскіе парни охальники, встрѣтивъ священника, заставили его плясать, когда на свадьбѣ подрядчикъ затѣялъ показать работнику, какъ надо учить жену, и ременнымъ черезъ сѣдельникомъ биль по голой спинѣ чужую беременную бабу, когда конокраду воткнули въ задъ налку, когда мать ставить свою дочь на рельсы и приказываетъ броситься подъ поѣздъ: „Бросайся, ты никому не нужна!“, а другая мать ищетъ покупателя на свою дочь, когда въ волостномъ судѣ, пытая обвиняемыхъ, одного жгли раскаленнымъ желѣзомъ, а другого подымали на дыбу, припекая ему пятки, третьему облили спину керосиномъ и подожгли, четвертому въ половые органы вгоняли мелконарѣзанный конскій волоѣ,— кто это дѣлаетъ, какой расточенный, убившій въ себѣ душу народъ? какая измѣнная голова, измѣнная земль своей, измыслила дѣла такія на пагубу себѣ и всему народу?

А хихикающее трусливое общество съ своимъ обезьянскимъ гоготомъ, бездѣльное... Лѣнтии и тунеядцы, воры, желающіе выгородить лѣнъ свою и кричащіе на всѣхъ перекресткахъ свой дешевый погромный кличъ и въ этой травлѣ видящіе все русское дѣло. Нашли занятіе! Нашли себѣ русское дѣло! Нищіе душой, слѣпые недоноски, голыши духомъ, не находящіе ничего другого для культуры Россіи, для русскаго народа, какъ хулиить и ругать Россію. Нашли занятіе! Нашли себѣ русское дѣло! Продажные лицемѣрные исполнители, налагающія на другихъ законъ, а сами нарушающіе его, первые предатели, первые измѣнники, первые злодѣи. Подлое общество, подлый народъ! Для кого же дорога Россія, кто ей вѣренъ, кто о ней печется, кто держить свою клятву служить ей неизмѣнно—непреложно—неотъятно—нѣтъ, „я не русскій!—отскакивалъ отъ зеркала Бобровъ,— не русскій, я нѣмецъ, всѣ русскіе предатели и воры!“—и стоялъ самъ для себя одинъ—откатный камень—одинъ съ поднятымъ кулакомъ передъ всѣмъ народомъ, а стягъ его, палка его—законъ—смертоносное знамя, какъ крестъ воздвигалый, тихо опускался на землю, а съ нимъ погружался во тьму и весь народъ русскій, неустойчивый, неладный, смолчива.

Послѣдней вспышкой загоралось сознаніе,—отчаяніе опустошало душу. И подъ стукъ въ ставню возвращающихся веселыхъ клубныхъ пріятелей, Бобровъ валился безъ мысли, безъ думы, и угарный сонъ безъ сновидѣній, тягучій и странный, покровенный темною кровью, давилъ и путалъ его до безумнаго утра, до дѣлового дня.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ДУБОНОЖИЕ.

Многихъ ли ради грѣхъ нашихъ и неправдъ, какъ сказалъ бы лѣтописецъ, или, и безъ вины, по какимъ другимъ причинамъ, къ грѣху не относящимся, а просто такъ, много самыхъ неожиданныхъ происшествій совершилось въ Студенцѣ.

Въ прошломъ году приказчикъ истребитель на го общества изъ бывшихъ матросовъ Кочновъ вдругъ ни съ того, ни съ сего, въ ожиданіи кометы привязалъ себя веревкой за якорь и закопался въ землю. Только съ помощью Петруши Грохотова, какъ самъ Петруша увѣрялъ всѣхъ въ клубѣ, извлекли Кочнова изъ ямы, но бѣдняга ужъ недолго погулялъ по бѣлому свѣту, затосковалъ и до кометы померъ.

А нынче по веснѣ, откуда ни возьмись, появились въ Студенцѣ черви, несмѣтное ихъ количество. Ползли они по талому снѣгу отъ провизора Глейхера мимо гостиницы Опарина, мимо казначея Понюшкина и прямо на протопопа Виноградова, съ запада на востокъ, и размножались съ быстротою молнии, какъ говорилъ Петруша. Трое сутокъ ползли черви на протопопа, потомъ вдругъ повернули на исправника и пропали. И пока ползли они, погода стояла теплая, а когда сгинули, стало вѣтреано.

Трогать червей никто не рѣшался и даже смотритель тюрьмы Ведерниковъ, ужъ на что пресловуцъ паче всѣхъ въ таковомъ дѣлѣ—на чистотѣ помѣшанъ: арестантовъ чистоты ради въ камерахъ нагишомъ держить, да и тотъ не притронулся. А червякъ, хоть съ виду и походитъ на червя, но было что-то указующее и въ тѣлесномъ его строеніи и въ разсѣченіи

естества его: весь покрытъ рѣдкими черными волосками, на брюшкѣ у однихъ, какъ сосочки, ножки болтались, а у другихъ брюшко было совершенно гладкое.

Вдовая дьяконица Агнцева, отвѣтственный членъ общества истребителей, поймала-таки пару, и послѣ всѣмъ желающимъ въ лавкѣ показывала.

Что говорить, много всякихъ бывало случавъ, но все это пустяки и совсѣмъ не похоже на то, что случилось на утро послѣ именинъ пропоповскихъ,—чудеса въ рѣшетѣ, какъ вечеромъ послѣ говорили въ клубѣ, когда ужъ очухались.

У студенецкаго исправника Александра Ильича Антонова выросли ослиныя уши чудеснымъ образомъ.

И не въ какомъ-нибудь переносномъ смыслѣ, а на самомъ дѣлѣ, по всей по правдѣ и притомъ всего за одну ночь—чего ночь!—за нѣсколько часовъ ночныхъ, а можетъ быть, въ одну минуту, внезапно, вдругъ выскочили такія вотъ надѣ его крѣпкимъ стриженнымъ лбомъ и заторчали сущимъ безобразіемъ.

Конечно, другому бы—мало ли на свѣтѣ какихъ лицъ попадается, да и тутъ, въ Студенцѣ подъ бокомъ не мало ходить, взять хоть того же Лепетова, наблюдателя, или члена епархіаль-наго совѣта тоже Лепетова губернскаго, наѣзжающаго въ Студенецъ на экзамены, экзаменатора, извѣстнаго больше подъ кличкою Соленаго огурчика, да уши эти и совсѣмъ подошли бы и очень кстати были бы, и, кто знаетъ, человѣка человѣкомъ сдѣлали бы. Но Александръ Ильичъ не Лепетовъ, наблюдатель, не Лепетовъ экзаменаторъ—Соленый огурчикъ, для Александра Ильича такое пріобрѣтеніе—зарѣзъ одинъ, Божье наказаніе, безобразіе.

При всей-то его лихой складности—и вдохновлять и страхъ наводитъ!—ну, кабы рога олены, еще туда-сюда, и то, пожалуй, не совсѣмъ ужъ, когда и серебро въ бородѣ и одышка береть, при всей-то осанкѣ его и лучезарности—Лучезарнымъ про-зывали студенецкаго исправника, и вдругъ эти самыя уши.

Именины соборнаго пропопа о. Николая Виноградова въ году однажды, да на весь круглый годъ.

Столъ именинныи бывалъ полный, пустыя блюда не подавались, ходило агнче съ яицами учинено, по словамъ именинника, — баранья нога, зажаренная съ яйцами, и только не до-

ставало, что яйца струфокомилова, а упивались такъ, кто въ улогъ, кто наповаль. Позапрошлой весной на именинахъ покойному головѣ Талдыкину и смерть приключилась судомъ Божімъ,— не выдержалъ и Богу душу отдалъ.

Пировалъ Александръ Ильичъ у протопопа и былъ грѣхъ, соблазнилъ его попъ краснымъ ягоднымъ медомъ, а потомъ ужъ пошло вино доброе да пѣнное, разрѣшилъ себѣ Александръ Ильичъ, не сдержалъ своего воздвиженского зарока, но особенаго ничего не произошло, въ карты, какъ еще никогда, везло, всѣхъ обыгрывалъ, загребъ золота—дѣвать некуда, и домой вернулся на двухъ ногахъ.

А вотъ на утро, возбнувъ отъ сна, какъ выразился бы протопопъ именинникъ, и погладивъ себя по крѣпкой ежовой головѣ своей, Александръ Ильичъ съ трепетомъ ощутилъ на себѣ присутствіе вещей неприличныхъ: сразу какъ-то сообразилъ и понялъ онъ, что уши не его, уши у него ослины, а сидѣть очень прочно.

Слѣдовательшѣ Бобровой Прасковьѣ Ивановнѣ быки снятся, будто все быкъ и всякий за ней гонится и настичь ее хочетъ, почтмейстеръ Аркадій Павловичъ Ярлыковъ, охотникъ, видѣть во снѣ утокъ, гусей—дичь всякую, лѣсничій Кургановскій ничего во снѣ не видѣть, а исправнику, хоть и не часто, а если заладить сниться, такъ ужъ изъ ночи въ ночь военныхъ сраженія снятся.

Не во снѣ, на яву чувствовалъ Александръ Ильичъ эти уши, и все, кажется, понималъ, но къ зеркалу подойти посмотрѣться никакъ не рѣшался, и сидѣлъ на диванѣ,—на диванѣ въ кабинетѣ стелили исправнику безъ исправничихъ,—сидѣлъ и ощупывалъ себя, свои уши: тянуль за мякишъ, крутиль за маковку, такъ закрутить, этакъ вывернетъ. И чѣмъ больше крутиль онъ и вертѣль ихъ, тѣмъ прочнѣй чувствовалъ ихъ, и безъ всякаго зеркала яснѣе яснаго видѣлъ себя во весь свой антоновскій ростъ, во всей своей лучезарности: на шеѣ Анна, грудь въ медаляхъ, разгарчівый румянецъ, крыломъ борода—олосокъ къ волоску, и, Богъ знаетъ, пальца на два масленистныя съ палевымъ отливомъ въ рѣдкихъ черныхъ волоскахъ, подобныхъ тѣмъ, что у червей Агнцевой дьяконицы, торчали ослины уши.

Исправникъ въ Студенцѣ, что губернаторъ въ губернскомъ

городъ въ Лыковъ, выше его нѣть начальства: и богатить, и убожить, и смирять и высить.

И конечно, предстань онъ, ну, хоть въ соборѣ на молебствіи и ни въ какомъ-нибудь, а въ песяемъ образѣ, да тотъ же протопопъ Виноградовъ ему первому дастъ къ кресту приложиться.

Эка, бѣда, что уши,—серпомъ силы своей всякаго посѣчть!

Памятныя книги времени—лѣтопись студенецкая помнить событія куда знаменательнѣе и не такое было дѣмо и творимо—и былъ миръ и любы, порядокъ и благочиніе.

Посмѣяться надъ исправникомъ никто не посмѣеть.

„Бобровъ-Оглодокъ!“—вспомнился исправнику Бобровъ, и при одномъ воспоминаніи о слѣдователѣ кинуло его въ жаръ.

И Александръ Ильичъ всѣхъ перечислилъ, всѣхъ жителей студенецкихъ съ Бѣлозерова предсѣдателя до пажа-боязка и Ѣенички гулящей, и всѣхъ перебралъ клубныхъ пріятелей: и старшину клубнаго, члена суда Богоявленскаго, и судью Налимова, и земскаго начальника Салтановскаго—Законника, и акцизнаго Шверина—Табельдота, и агронома Пряткина—Свинью, и управскаго секретаря Нѣмова, и податнаго Стройскаго—Донъ-Жуана, и почтмейстера Аркадія Павловича Ярлыкова, и землемѣра Каринскаго, и Торопцова, полицейскаго доктора, и лѣсничаго Кургановскаго—Колоду,—и ни въ комъ не усумнился, Бобровъ, одинъ Бобровъ слѣдователь лѣзъ ему въ голову.

Поистинѣ Богъ попускаеть, Сатана дѣйствуетъ.

Бобровъ не полюбопытствуешь, какъ другіе, не спросить по пріятельству, откуда, молъ, Богъ послалъ такое и по чьей милости, но за то ужъ такъ посмотрить, а скорѣе всего просто обойдеть, какъ обходять помѣтъ, чтобы ногой не попасть, а уши тогда, какъ на грѣхъ, еще чего доброго, и зашевелятся.

„Будеть онъ шевелить ушами или не будетъ?“—сталъ новый вопросъ, и Александръ Ильичъ упалъ духомъ, а въ глазахъ стало зелено и замелькали огненные палочки: почувствовалъ онъ, какъ при одной только мысли уши сами собой зашевелились, такъ и запрыгали, какъ у коня.

Случись дома исправничиха Марья Северьяновна, дѣло на какъ-

нибудь да наладилось-бы: Марья Северьяновна, что хочешь, все обладить. Но исправничиха въ Чортовыхъ садахъ, ей тамъ дѣла всякаго и безъ ушей по горло.

И что онъ скажетъ Марѣ Северьяновнѣ? Воздвиженскій-то свой зарокъ нарушилъ, не сдержалъ слова! Какой онъ Марѣ Северьяновнѣ отвѣтъ дастъ? Не поблагодарить его исправничиха, и очень даже. И было-бѣ всего лучше ему послѣ именинъ протопоповскихъ вовсе не проснуться, такъ и почтить бы сномъ до радостнаго утра.

„И за что мнѣ такое? Такъ жестоко! И добро бы за грѣхъ смертный, за птичеблудіе какое или за пупорѣзину тамъ, какъ говорится, а то всего и есть, что на именинахъ у священника, протопопа и притомъ отца духовнаго выпилъ рюмку вина, поздравилъ! Конечно, зарокъ нарушилъ, обѣщанія не сохранилъ, ошибся, не отпираюсь“...

Александръ Ильичъ сидѣлъ на диванѣ и шевелилъ ушами.

„Марья Северьяновна, ты отъ меня не отступишься?—горькія шли мысли,—Марья Северьяновна, не отступись“!

Александръ Ильичъ молебно поднялъ глаза:

„Не отступись!“—и вдругъ, не вѣря глазамъ, неистово замоталъ головой.

Прямо противъ него, подъ его знаменитымъ косымъ ковромъ заграничныхъ и разныхъ звѣрей, двѣнадцати шерстей разныхъ волковъ, про который шла молва, что цѣны ему нѣтъ,—сколько миллионовъ и ордalionовъ тысячи несмѣтныхъ денегъ!—даръ тихвинскихъ монашекъ, подъ безцѣннымъ ковромъ трупомъ лежалъ на диванѣ Петруша Грохотовъ.

— Петруша!—покликалъ Александръ Ильичъ,—Петичка!—и затаилъ дыханіе, а сердце стучало, какъ въ дѣствѣ когда-то на большихъ пожарахъ, до которыхъ Александръ Ильичъ всегда былъ большой охотникъ: на Петрушу ветеринара вся была его надежда.

Чутокъ на окрикъ Петруша, какъ конь, и какъ ни крѣпокъ былъ его сонъ, а и сквозь трупное хмельное забытье свое услышалъ онъ окликъ, сплюнуль и выругался чисто по-русски; въ словахъ и движеніяхъ по природѣ своей безъ всякой застѣнчивости, Петруша даже и при дамахъ ругался, только по малороссійски.

— Петруша, Петичка! — Александръ Ильичъ голоса своего не узналь: это былъ какой-то лисій голосокъ пѣтушку, когда лисица соблазняла пѣтушку поѣсть, такъ не говорилъ Александръ Ильичъ и въ бытность свою лыковскимъ полицмейстеромъ съ губернаторомъ, уши немилосердно дергались и онъ тянуль ихъ ввѣгъ за маковку, — Петруша, спасай!

Поднялся Петруша, и водкой залитымъ глазомъ уставилъся на исправника, — волосы у Петруши, какъ у бѣса, стояли стрѣлами, а Петрушина пушка пыхнула вдругъ такимъ крѣпкимъ дымомъ, отъ которого померкло само майское ясное утро, а исправникъ поплылъ куда-то съ своими ушами.

Слезно повѣдалъ Александръ Ильичъ пріятелю бѣду свою.

— Копытной мазью, — сказалъ Петруша, ждать себя не заставилъ, — трещины на копытахъ заживаютъ, вѣрное средство!

И Петрушѣ оставалось немедленно примѣнить свое вѣрное средство, — Александръ Ильичъ готовъ былъ не только смазаться этой копытной мазью, но и во внутрь принять ее, сколько влѣзть, лишь бы была польза, — но Петруша вдругъ завергълся, какъ на шилѣ, и поистинѣ запѣлъ райской птицей.

О томъ, что случай подобный ужъ былъ однажды и ни съ кѣмъ-нибудь, не съ простымъ человѣкомъ, а съ царемъ: у царя фригійскаго выросли ослиныя уши, — Александръ Ильичъ ровно ничего не зналъ, и никакого понятія не имѣлъ, а Петруша кое-что помнилъ, путая, правда, Мидаса съ великимъ тезкою исправника, старинное же сказаніе о Ноѣ, какъ праведный Ной въ ковчегъ звѣрей обуздалъ, зналъ Александръ Ильичъ такъ же хорошо, какъ и Петруша.

Есть такое сказаніе о Ноѣ, какъ праведный Ной, впустивъ въ ковчегъ звѣрей, чистыхъ по семи паръ, а нечистыхъ по двѣ пары, задумалъ, обузданія ради и удобства общаго, лишить ихъ, временно веющей существеннѣйшихъ. И отъявъ у каждого благая вся, сложилъ съ великимъ береженіемъ въ храмину — мѣсто скрытое. И сорокъ дней и сорокъ ночей, во все время потопа сидѣли звѣри по своимъ клѣткамъ смирно. Когда же потопъ кончился и храмина была отверста, звѣри бросились за притяженіемъ своимъ, и всякъ разобравъ свое. И лишь со слономъ вышла великая путаница, слону въ огорченіе, ослу на радованіе и похвалу.

Оселъ, стяжавшій себѣ слоновую долю, да царь фригійскій съ ослиными ушами увлекли воображеніе Петруши.

И правда, не руками, языкомъ добывалъ Петруша хлѣбъ своей наущный.

Александръ Ильичъ попадетъ булто бы въ греческую исторію, и будуть его съ греческаго переводить въ гимназіяхъ, двойки за него ставить, да проваливать на экзаменахъ, и, само собой, повышеніе онъ получить, чутъ не губернаторомъ сдѣлается, а дойдетъ до Петербурга, министерскій портфель за нимъ обеспеченъ—министръ народнаго просвѣщенія!

— Съ такимъ золотымъ сокровищемъ,—райской птицей заливался Петруша,—да такого другого съ огнемъ не сыщешь, никакимъ дубоножіемъ не взять, фактъ историческій, министръ! Смотри на тебя и учись! А наши дамы! Отбоя не будетъ, Бѣлозерова орогатить можно, покажемъ ему три пальчика, Василису Прекрасную полъ вытираТЬ себѣ заставиши.

Повышенія по службѣ Александръ Ильичъ очень хотѣлъ, но при чемъ тутъ повышеніе, никакъ понять не могъ. Что же касается дамъ и какъ это ни соблазнительно было, чтобы сама Василиса Прекрасная вытирала полъ ему, старался Александръ Ильичъ пропускать мимо ушей.

Изъ-за дамъ у Александра Ильича вышли однажды большія непрѣятности.

Будучи лыковскимъ полицмейстеромъ, разрѣшилъ Александръ Ильичъ цирковымъ танцовщицамъ прокатиться среди бѣла дня, и притомъ во всей ихъ прекрасной натурѣ, на велосипедахъ по Московской: танцовщицы прокатиться прокатились, а онъ полетѣлъ съ мѣста.

Копытная мазь, въ которую увѣровалъ Александръ Ильичъ и неослабно держалъ въ памяти, охлаждала всякий Петрушинъ соблазнъ.

А Петруша такое городилъ, такія живописалъ слѣдствія,—и конца тому не было, откуда шли Петрушины рѣчи.

— Да съ такимъ дубоножіемъ, это, братъ, тебѣ финики не простые, понимаешь ты, любого приштопоришь, все можно!

— Петруша, сдѣлай милость,—больные ужъ не вытерпѣлъ, перебилъ исправникъ,—Петичка, дай своей мази!

— Ма-ази...—передразнилъ Петруша,—самъ отъ своего добра

бѣжишь!—и что-то еще и совсѣмъ неподходящее буркнувъ, схваталися одѣваться, и ужъ скоро совсѣмъ быль готовъ, застегнутый и подтянутый, и только картузъ на голову да за дверь.

— Петруша,—голосъ у Александра Ильича даже дрогнулъ,—я тебя очень прошу, пожалуйста, честное слово, никому не скаживай!

— Ладно, сиди ужъ,—и упорхнулъ Петруша.

И пока леталъ Петруша за своей чудодѣйственной копытной мазью къ благодѣтелю своему провизору Адольфу Францевичу Глѣйхеру, и пока тамъ что да какъ, въ Студенцѣ совершилось событіе немалому удивленію, но и слезамъ достойное.

Студенецъ—городъ торговый: торгуетъ Нахабинъ, Табуряевъ, Яргуновъ, Пропенышевъ, Зачесовъ—студенецкіе лѣсопромышленники, торгуетъ и уѣздный членъ суда Богоявленскій черезъ доброписца Исцова—Пеликанъ. Зимою самая горячка—кипитъ работа: зимняя заготовка къ предстоящему сплаву, чтобы вывести лѣсъ къ рѣкѣ. Съ каждымъ сплавомъ растутъ хозяйствія накопленія. Студенецъ—городъ со средствами.

И телеграфъ круглый годъ не бездѣйствуетъ, не сидѣть, сложа руки.

Телеграфистка Нюша Крутикова, какъ всегда, принимала одно и то же и Нахабину и Табуряеву и Яргунову и Пропенышеву и Зачесову, развлеченія не предвидѣлось. А за торговыми шли телеграммы случайныя: предсѣдателю Бѣлозерову, смотрителю тюрьмы Веденникову, предводителю Бабахину да двѣ запоздалыя имениннику протопопу Виноградову:

„Наилучшія дню сердца пожеланія!“—и просто, какъ напишетъ, по словамъ Васи Кабанчика, всякая баба:—„поздравляю съ ангеломъ!“.

Вася Кабанчикъ продавалъ марки.

День быль базарный, на почту приходилъ народъ, были и такіе, что дожидались. День обѣщалъ быть жаркимъ и на почтѣ спирало по почтовому.

Нюша Крутикова вдругъ оживилась: любопытное что-то бѣжало по лентѣ,—телеграмма, въ Студенецъ телеграмма, да какая!

Наблюдателю епархіальному Лепетову адресована была эта

телеграмма. Наблюдателю Лепетову сообщалось извѣстіе чрезвычайное: въ Студенецъ къ одиннадцати часамъ на автомобильѣ пріѣдетъ губернаторъ.

И первый, кто узналъ эту новость, былъ Вася Кабанчикъ.

Сейчасъ же, ни минуты не медля, вѣнч очередь понесъ Еремей сторожъ телеграмму къ Лепетову наблюдателю. И ужъ вся почта знала о губернаторѣ. А тѣ посѣтители, что толкались со всякими посылками, немедленно разнесли вѣсть по базару.

Безъ шапки бѣжалъ Вася Кабанчикъ съ извѣстіемъ къ почтмейстеру Аркадію Павловичу.

Аркадій Павловичъ, какъ и прочіе чины студенецкіе, сладко почивалъ себѣ послѣ именинъ пропоповскихъ, и снилась ему его любимая дичь.

Снилось Аркадію Павловичу, сидѣть онъ будто съ акушеркой Бареткиной у себя на крышѣ курятника, и летять будто гуси—стадо гусиное и прямо надъ головою. Аркадій Павловичъ и говорить сосѣдкѣ:

„Давайте, Аграфена Ивановна, имать ихъ!“

А одинъ гусь отдѣлился отъ стаи, летить къ курятнику. Вытянули они руки, заманиваютъ гуся, поймать хотятъ. И вдругъ такъ быстро и незамѣтно налетѣлъ этотъ гусь на Аркадія Павловича и уклонулъ его прямо въ ладонь. Тутъ Аркадій Павловичъ хватъ гуся да за горло, сдавилъ горло, и что же?—не гусь, оказалось, а ястребъ, да какой ястребъ...

Вася Кабанчикъ, слюня и шепелявя и по природѣ и отъ волненія, передалъ взвуженному Аркадію Павловичу чрезвычайное извѣстіе: самъ онъ, Кабанчикъ, и телеграмму принялъ безъ двадцати трехъ минутъ десять.

Не умывшись, безъ чаю, напялилъ Аркадій Павловичъ мундиръ да бѣгомъ прямо къ исправнику.

И трехногая лохматая бѣлая собака его Оскарка пустилась за нимъ.

„Самъ губернаторъ—на автомобильѣ!“—такъ и пуляло на каждой колдобинѣ, бросая почтмейстера то въ жаръ, то въ холодъ.

Александръ Ильичъ сидѣлъ на своемъ диванѣ, и надъ нимъ трудился Петруша, успѣвшій пропустить и не одну для промочки голоса у благодѣтеля своего Глейхера.

Чѣмъ-то шибающимъ, политанью какой-то патиралъ ветери-

наръ исправнику уши, задѣвава озорствали ради или отъ усердія мѣста непричастныя: то ляпнетъ по носу, то мазнетъ по шеѣ.

Это и была та самая копытная мазь, въ которую увѣровалъ Александръ Ильичъ.

Градомъ катились слезы, смачивая побагровѣвшія его щеки, но онъ терпѣливо выносилъ свою горькую муку и безкорыстно, ибо на томъ свѣтѣ подобная мука врядъ ли зачтется.

Ни ушѣй необыкновенныхъ, ни слезъ горькихъ, ничего такого не замѣтилъ почтмайстеръ. Не здравствуясь, выкрикнулъ онъ о губернаторѣ, обращаясь не столько къ исправнику, сколько куда-то къ ковру косому, стоящему „столько миллионовъ тысяч ордаліоновъ несмѣтныхъ денегъ“.

— Въ одиннадцать на автомобиль губернаторъ!

„Въ одиннадцать на автомобиль губернаторъ!“—и, какъ рукой, вѣрнѣе самой копытной мази, въ мигъ вобрались уши и изъ ослиныхъ опять стали антоновскими. Александръ Ильичъ вскочилъ съ дивана и, вымазанный весь, выскочилъ въ приходящую за почтмайстеромъ.

И ужъ въ одну минуту весь Студенецъ былъ поднятъ на ноги.

Всѣ четыре стражника пустились по городу: надо было оповѣстить голову Опарина, протопопа Виноградова, воинскаго начальника Кобырдяева, земскаго начальника Салтановскаго, а главное, во что бы то ни стало, вызвать изъ Чортовыхъ садовъ Марью Северьянину.

Все чистилось, мылось, скреблось, смачивалось, смазывалось, гладилось, приглаживалось, мелось, уминалось, посыпалось пескомъ, а надѣль всѣмъ разносилась отборная наша родимая ругань, помогающая во всякихъ случаяхъ.

Изъ городского, изъ приходскихъ и начальныхъ училищъ сгоняли мальчишекъ къ собору. Шведовъ учитель выстраивалъ парадъ потѣшныхъ.

Ужъ стражники метались, сами не зная куда, бѣгали собаки, шарахались съ крикомъ насѣдки. Безъ толку загоняли скотъ по дворамъ. Пыль подымалась выше соборной колокольни.

Вздоръ, нескладица, неразбериха.

Къ собору на площадь все стягивалось для встрѣчи.

Прибылъ воинскій начальникъ полковникъ Кобырдяевъ, ста-

ричокъ, пахнущій мазями бобковой, камфорной и оподельдокомъ, и предсѣдатель земской управы Бѣлозеровъ одинъ, безъ Василисы Прекрасной, и казначей Понюшкинъ—Ца паръ, судившійся изъ-за лисы съ покойнымъ головой Талдыкинымъ: до правительству-щаго сената доходили и всеподданнѣшее прошеніе на высочайшее имя подавали, и въ результаѣ Талдыкинъ, заплативъ сорокъ пять рублей судебныхъ издержекъ, померъ, а лисья шкура, сданная въ полицію на храненіе, сгнила.

Былъ на мѣстѣ и судья Налимовъ, и хромоногій членъ суда Богоявленскій, и земскій начальникъ Салтановскій—Законникъ, и акцизный Шверинъ—Габельдотъ, и агрономъ Пряткинъ—Свінья, и лѣсничій Кургановскій—Колода, и податной Строй-скій—Донъ-Жуанъ, и смотритель тюрьмы Ведерниковъ, суетящійся съ выпущенными отъ страха глазами, и Аркадій Павловичъ почтмейстеръ, и становой Лагутинъ, опухлый, съ волосатымъ кулакомъ, и членъ управы Рогаткинъ и именитое купечество студенецкое съ медалями: Табуяевъ, Яргуновъ, Пропенышевъ, Зачесовъ, и только не было самаго главнаго самого Нахабина, отлучившагося по дѣламъ въ Лыковъ,—все вятшіе мужи, чины студенецкіе и во всемъ парадѣ.

Вышелъ съ крестомъ протопопъ соборный о. Николай Виноградовъ и стоялъ протопопъ въ сонмѣ студенецкихъ поповъ, какъ курь водный, сіестъ павъ—павлинъ.

И самъ Александръ Ильичъ—Лучезарный съ нахлобученнымъ на уши картузомъ, какъ ужъ послѣ старались другъ передъ другомъ замѣтить, что картузъ быль нахлобученъ, самъ Александръ Ильичъ во всей красѣ своей, страшенъ, яко левъ, отдавалъ распоряженія,—и все по его слову творилось.

А помощникъ Александра Ильича Копьевъ въ своихъ неизмѣн-ныхъ валенкахъ гонялся за упрямой, непослушной коровой, которую, какъ ни бились, ничѣмъ не могли согнать съ площади.

И только не видно было головы—Павла Діевича Опарина.

Сколько ни будили Опарина, сонъ его быль непробуденъ. И всѣ средства пустили въ ходъ, какія только въ такихъ слу-чаяхъ принимаются, и зыкъ звонный и трубный гласть,—тру-дился все тотъ же Петруша Грохотовъ, но ничѣмъ нельзя было поднять голову.

И совсѣмъ ужъ было отчаялись, да клубный буфетчикъ Ер-

ломай Игнатычъ посовѣтовалъ персидскимъ порошкомъ попробовать. Персидскій порошокъ и вывелъ Опарина на свѣтъ Божій.

Привезли голову на площадь, поставили.

Съ хлѣбомъ, съ солью стоялъ голова Опаринъ въ изумлениі.

Заштатный юродствующій попъ о. Песоченскій, ненарочнымъ дѣломъ похоронившій покойника о трехъ ногахъ: третья гуттаперчевая,—нелепостно въ картузѣ своемъ, какъ псаломщикъ какой, толокся среди пѣвчихъ, прочищавшихъ горло. Моровой батюшка о. Ландышевъ, живыми и мертвыми обладающій, стоялъ въ новенькой камилавкѣ у союзнаго стяга среди студенецкихъ мѣщанъ, иренебрегавшихъ по старинѣ колбасной лыковской, вѣруя, что колбаса съ человѣчиной: на пудъ мяса свиного, фуить человѣчьяго. О. дьяконъ Завулонскій нырялъ среди потѣшныхъ и, выбирая изъ карапузовъ что поменьше, дыхалъ въ носъ ребятишкамъ:

— Я на тебя дыхну, пахнетъ или нѣтъ?—пыталъ о. дьяконъ.

Но какая сила могла скрыть вчерашнія протопоповскія именины, и притомъ такъ врасплохъ!

Предсѣдатель Бѣлозеровъ, сторонящійся студенецкаго общества, только брезгливо морщился.

Базарный день собралъ народъ, какъ въ престольный праздникъ. Всѣмъ городомъ стоялъ народъ вдоль рядовъ противъ собора до самаго моста, и ужъ пройти можно было только бокомъ и то съ трудомъ.

Самъ старецъ Шапаевъ, что блудомъ лѣчитъ, не вылѣзающій со своего огорода, застясь отъ солнца, стоялъ въ кругу бабъ-поклонницъ, женъ вѣрныхъ и богообоязнивыхъ, безъ шапки, босой, скорбный, съ образкомъ на груди. И бабушка Двигалка—Филиппьева, вездѣсущая, двигалась, перегоняясь съ мѣста на мѣсто, одна безъ своего благовѣрнаго Геннашки, оставшагося стеречь Колпаки. И Исцовъ—Пеликанъ, и Юлинъ парикмахеръ—Гришка Отрѣпьевъ, и Пашка—Папанъ, боякъ, тутъ же околачивался, беззазорно вымогая свой пажескій паекъ.

Малыши лѣпились вокругъ пожарнаго обоза и кишки, выставленной на показъ въ родѣ пушки.

За большой суматохой все путалось, и ужъ никто не зналъ, кого встрѣчали, губернатора или архіерея.

Туча галокъ, вспугнутая непривычнымъ гамомъ, накричавшись до хрипоты, усѣлась смироно на бѣлый куполъ собора.

Время шло къ полудню, а автомобиля съ губернаторомъ все не было, не было и Мары Северьяновны исправничихи, и оттого Александру Ильичу было нестерпимо жарко: прямо огнемъ пекло.

И вотъ, какъ часто случается, вдругъ пригналъ стражникъ съ вѣстью:

— Ёдетъ.

— Ёдетъ!—побѣжало по площади отъ рядовъ до моста.

И черезъ какую-нибудь минуту тѣ, что стояли ближе къ мосту, увидѣли въ густомъ пыльномъ облакѣ мчаційся автомобиль.

Автомобиль свернулъ было въ сторону къ Нахабинской лѣсопилкѣ и какъ-будто пріостановился, пріостановился, помедлилъ, и ужъ прямо помчался къ мосту, черезъ мость, на площадь.

Наступила торжественная минута.

Лепетовъ наблюдатель, оболдѣвшій съ той самой минуты, какъ Еремей сторожъ вручилъ ему телеграмму, почему-то изъ всѣхъ его одного извѣщавшую о пріѣздѣ въ Студенецъ губернатора, вдругъ такъ смокъ, словно ведро на него вылили, и зубъ на зубъ не попадалъ.

Фараонъ, понамаръ соборный, съ расковыреннымъ носомъ для прорезвленія, занесъ ногу на доску, соединяющую большой колоколь съ маленькими, и, какъ громъ, загремѣли соборные колокола.

Шапки долой—обнажились всѣ головы.

Протопопъ поднялъ крестъ.

Автомобиль, между тѣмъ, замедливъ ходъ, ужъ тихо катилъ, спотыкаясь о колдобины.

— Караулъ! Спасите!—возопилъ голова не своимъ головомъ, вдругъ, вышедши изъ изумленія своего, и, растопыривъ руки, присѣлъ кулькомъ.

Александръ Ильичъ бросился къ дверцамъ.

Дверцы открылись. И какъ-то сразу на обѣ ноги выпрыгнуль изъ автомобиля Соленый огурчикъ, а въ спину экзаменатору ткнулась нахабинская ковшомъ борода.

Потѣшные грянули ура.
И звонили по всему Студенцу.

Когда клубнымъ пріятелямъ все надоѣдало—и карты и буфетъ, пускались обыкновенно на всякия выдумки: пили со свѣчкой—въ лѣвую руку огарокъ, въ правую—бутылку, или ставили на коверъ ведро водки, раздѣвались до гола и садились въ кружокъ—зачерпнуть желѣзнымъ ковшомъ, и пойдетъ ковшъ въ круговую, такъ будто бы душа пропускается.

Въ этотъ вечеръ послѣ утренней раструски, которая чуть было не стоила жизни головѣ Опарину,—долго голова не могъ возвратиться въ свой умъ, кричалъ птицей, свистѣль и никого не узнавалъ, но когда все такъ хорошо кончилось, не надо было друзьямъ прибѣгать для развлеченія ни къ какимъ выдумкамъ: и безъ того всего было черезчуръ много.

Вечеромъ въ клубъ чествовали виновника торжества экзаменатора Лепетова губернскаго—Соленаго огурчика.

Не встрѣча экзаменатору Лепетову—подвезъ экзаменатора на своемъ автомобилѣ изъ Лыкова Нахабинъ, не всѣ тѣ и до-садныя и счастливыя, связанныя съ встрѣчей, внезапности, обѣ этомъ еще будуть говорить, по крайней мѣрѣ, до слѣдующихъ именинъ проптопоповскихъ, занимали общество дѣла семейныя.

Петруша Грохотовъ съ быстротою молніи, по его любимому выраженію, постарался всѣхъ оповѣстить о чудѣ съ исправникомъ и о своей копытной мази: на четыре вѣтра прокричалъ ветеринаръantonовскія уши.

И чего только не было сказано и пересказано о этихъ ушахъ чудесныхъ, отъ которыхъ ужъ давнымъ давно и слѣда не было!

Ноево сказаніе, къ слову пришедшееся, Петруша разсказа-
зalъ во всеуслышаніе и со всѣми мельчайшими подробностями, съ перечисленіемъ звѣрей ковчежныхъ, а для наглядности и вразумительности уподоблялъ звѣрей присутствующимъ пріятелямъ, и много руками дѣйствовалъ, яко бы за недохваткой словъ точныхъ.

— Что же теперь съ Александромъ Ильичемъ будетъ?— допрашивали дамы ветеринара.

— Да отпадутъ, какъ и не было!—облизывался Петруша.

— А онъ лягаться не будетъ?

Но тутъ Петруша такое понесъ, ну, прямо изъ хрестоматіи Поливанова для старшаго возраста, работы учителя Шведова.

И вотъ въ самый разгаръ Петрушиныхъ рѣчей вошелъ въ клубъ Александръ Ильичъ, и сразу во всѣхъ пяти клубныхъ комнатахъ наступила мертвая тишина.

Александръ Ильичъ быль, какъ всегда, лучезаренъ, но было въ немъ что-то и не похожее на него: сосредоточенность какая-то, словно бы одна изводящая мысль не покидала его, а по-просту говоря, Александру Ильичу хотѣлось напиться.

Марья Северьяновна, вернувшаяся изъ Чортовыхъ садовъ какъ-разъ въ самую развязку, когда вмѣсто губернатора вылѣзъ изъ нахабинского автомобиля Соленый огурчикъ, нельзя сказать, чтобы осталась очень довольна, и Александру Ильичу попало на орѣхи.

— Осель!—сказалъ кто-то ужъ черезчуръ раздѣльно, какъ скажеть тотъ, кому не достаетъ только свалиться подъ столъ и захрапѣть.

— Если и оселъ, то всѣ ослы!—поправилъ Петруша, какъ на ногу, такъ и на слово легкій.

И произошло нѣчто совсѣмъ ни на что непохожее: Александръ Ильичъ, покорно цѣлые часы слушавшій Марью Северьяновну и наслушавшійся отъ нея немало всякихъ словъ, тутъ потерялъ и самое малое терпѣніе, размахнулся и кулакомъ ударилъ по лицу подвернувшагося подъ руку агранома Пряткина—Свѣнью.

И поднялось сущее столпотвореніе и разсѣяніе языккомъ, чуть дѣло до ножей не дошло, недоставало только крикнуть, пожаръ.

Одни тянули Пряткина, другіе Александра Ильича, и, какъ это часто бываетъ, помяли бока и совсѣмъ не тому, кому слѣдуетъ. А никому, собственно, боковъ мять и не слѣдовало, просто надо было растащить сѣѣшившихся.

Да такъ оно въ концѣ концовъ и случилось.

Виновнаго отыскали. Уговорили, утихомирили противниковъ и принялись за мировую.

Волей неволей долженъ быть Александръ Ильичъ выпить и, вторично зарокъ нарушивъ, опять разрѣшилъ.

А Вася Кабанчикъ, съ пьяныхъ глазъ выкрикнувшій изъ уголка исправнику о с ла,—Вася Кабанчикъ почему-то считалъ себя единственнымъ виновникомъ всей путаницы, о Нюнѣ Крутіковой и помину не было,—Вася Кабанчикъ былъ извлечень изъ подъ стола и въ библіотекѣ подъ дружный гоготъ, совсѣмъ безчувственнаго, его потрошили.

И натѣшившись надъ Кабанчикомъ, качали обезноженного экзаменатора Лепетова,—С о л е н а г о о г у р ч и к а, потомъ сѣли ужинать.

За ужиномъ Петруша впалъ въ ражъ и, вздурясь и спьяна, вызвался показывать фокусы: Петруша хотѣлъ во что бы то ни стало проглотить вилку черенкомъ.

— Да ты не съ того конца!—наставлялъ Петрушу Рогаткинъ.

А Петруша, знать ничего не желаю, совалъ себѣ въ ротъ вилку и давился.

— А я вотъ такъ,—кочевряжился на другомъ концѣ акцизный Шверинъ,—я въ носъ всуну орѣхъ волошкій, а изъ другой ноздри выскочить у меня грецкій.

— Только мое снисхожденіе, что ты со мной тутъ сидишь,—тянуль свое секретарь Нѣмовъ сосѣду Рогаткину,—а то быть бы тебѣ въ острогъ. Кто голодающу муку въ рѣкѣ утопилъ?

— Шутки изволите шутить, Василій Петровичъ, самъ Господь Богъ, буря поднялася!—какъ самоваръ, сіялъ Рогаткинъ, посмѣшиваясь въ бороду надъ господской компаніей.

А Петруша бросилъ вилку и ужъ разсказывалъ, какъ въ Петербургѣ семидюймовые гвозди въ языкъ вбиваются и совсѣмъ безнаказно.

Хмель разнималъ пріятелей.

И вдругъ съ улицы черезъ раскрытыя окна донеслась надрывающаяся поросячья фистула:

— Карапулъ! Спасите!—надрывался умоляющій голосъ.

Мимо окна прогремѣлъ тарантасъ.

И къ общему удовольствію всѣ узнали голосъ доктора То-

ропцова: слѣдователь Бобровъ везъ пьяного доктора въ Щеву на слѣдствіе, аѣхать туда—не на милое поле, и докторъ вонилъ.

И снова все оживилось, отъ фокусовъ перешель разговоръ на излюбленные пересуды о слѣдователѣ,—и трепался Бобровъ и вкось и вкривь.

А часъ близился къ мирному сну.

Ермолай Игнатычъ ужъ пустилъ въ ходъ свою слиянку—смѣсь всякихъ винъ, да горькій миленфоль—тысячелистникъ на любителя. Кто-то по обычаю сдѣлалъ попытку раздѣться. И все было хорошо, а чего-то не хватало. Ну, чего же?

И наступила чувствительная минута.

Нѣмовъ, Стройскій, Пряткинъ и Петруша затянули свой любимый романсь.

Александръ Ильичъ, сначала подтягивавшій баскомъ, изъ безпечности впалъ въ ожесточеніе.

— А кому какое дѣло, что я пьянъ!—надмеваясь сердцемъ, твердилъ онъ, глядя передъ собою.

А Салтановскій—Законникъ стучалъ кулакомъ и совсѣмъ не кстати жалобно нылъ:

— Буду цѣловать тебя въ безконечность!

И плакалъ Пряткинъ—Свинъ я:

— За что меня обидѣли?

А съ другого конца говорилъ кто-то, будто очнувшись:

— Ну, что-жъ, поживемъ пока что, еще миленфолю!

А въ ушахъ отдавало:

— Карапуль! Спасите!

Кто это кричалъ, Опаринъ ли голова, докторъ ли Торопцовъ, не хотѣлось разбирать, да и не разобраться. Мысли путались, языкъ не слушался и было все равно: экзаменаторъ Лепетовъ или губернаторъ Лепетовъ, ослины уши или человѣчыи антоновскія, слѣдователь везетъ доктора или докторъ слѣдователя,—все равно и все ни къ чему. Какъ ни къ чему?..

И застило глаза пьяной слезой.

Не говори, что молодость сгубила,
Ты ревностью истерзана моей,
Не говори, что...

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ВОЖДЬ ЖИЗНИ.

Поль-лъта стояло дождливо, поль-лъта тепло, и прошло тихо. Лѣтомъ, собственно, и событіямъ совершаться не полагается, не такое время.

Какъ водится, и въ городѣ и кругомъ въ деревняхъ много было пожаревъ и ночью и среди бѣла дня. Убийства совершаются по праздникамъ, а пожары предвидѣть невозможно. И часто горѣло черезъ всю ночь до свѣту, всю ночь билъ набатный колоколь всполохъ, и, какъ труба, ходилъ огонь по городу.

Въ клубѣ выпивали пива большие, чѣмъ зимой, зато водки и всякаго миленфоля поменьше: лѣтомъ голова кружится. Разговоръ о именинной встрѣчѣ экзаменатору Лепетову и о ушахъ чудесныхъ, какъ и надо было думать, хватило на цѣлое лѣто.

На Троицу градъ выпалъ больше желтка яичнаго, а на Петрово говѣнье усмотрѣна была вѣдьма.

Сушковскія ребятишки—самъ Сушковъ кузнецъ, кузня за чайной Колпаками—кузнечата первые донесли о вѣдьмѣ: бѣгали ребятишки къ монастырю мимо оврага, бѣгутъ вечеромъ домой, а изъ оврага имъ кто-то въ бѣломъ—вѣдьма.

Пошли слухи и толки, и скоро весь Студенецъ зналъ о вѣдьмѣ и ходить ужъ боялись мимо оврага. А тѣ смильчаки, что подходить къ оврагу рѣшились, рассказывали много разнаго и чудеснаго: кто говорилъ, что собственными глазами видѣлъ пакрикмахера Юлина—Гришку Отрепьеву, варилъ будто бы Гришка въ котелкѣ себѣ ужинъ, а вѣдьма радушкомъ съ нимъ

сидѣла и они разговаривали, а другіе добавляли при этомъ, что у вѣдьмы копыта лошадиныхъ, а руки человѣчески, тоже собственными глазами видѣли.

Почему именно Юлинъ попалъ въ столь странную компанію, одинъ Богъ вѣдаетъ,—Юлинъ у всѣхъ на виду, Юлинъ одинъ на весь Студенецъ и стрижетъ и бреетъ. И странно, когда слухъ дошелъ до него, сначала онъ очень храбрился и кое-кому даже „морду набилъ“, а потомъ присмирѣлъ и какъ-то подозрительно сталъ хорониться.

Богомольцы, приходящіе въ Тихвинскій монастырь, съ трепетомъ обходили и парикмахерскую Юлина и оврагъ нечистый, иные, страха ради, вплавь переплывали Медвѣжину, боясь опоганиться.

И залегла бы дорога—путь въ монастырь, какъ въ былые дни путь къ Кіеву отъ Соловья Разбойника, не вступись въ дѣло самъ Александръ Ильичъ, рѣшившій взять вѣдьму силою.

Намѣреніе Александра Ильича было непоколебимо, твердо и благочестиво. И въ одинъ прекрасный день, очертя чертою, оцѣпилъ онъ оврагъ стражниками, а смѣльчаки съ ломами и палками спустились въ оврагъ. И тутъ ужъ кто съ чѣмъ, кто съ камнемъ, кто съ кирпичомъ принялись закидывать яму.

И вдругъ изъ ямы—собака, да большущая, лохматая, бѣлая собака о трехъ ногахъ, за чѣмъ щенята. Бросились вдогонку, а ея ужъ слѣдъ простыль. Такъ и упустили.

И какъ ни было очевидно, что это—собака, не вѣдьма, и притомъ собака ярлыковская—Оскарка, а Юлинъ парикмахеръ совсѣмъ не при чемъ, Юлина все-таки поцарапали, да такъ, что Гришкѣ хоть ножницы забрасывай.

И кое-кто изъ смѣльчаковъ попалъ въ камеру Боброва, и, конечно, отправился прямымъ путемъ въ острогъ.

На Ильинъ день, какъ и въ старыя времена, прибѣгалъ дорогой неуторенной и неувѣженной изъ лѣсовъ студенецкихъ на Медвѣжину олень—золотые рога, куналь олень въ Медвѣжину золотые рога. Но вода тепла, не остудилась Медвѣжина, и ильинскимъ дождемъ не попрыскalo землю, и дни не похолоднѣли. И пришлось оленю въ канунъ Спасова дня опять прибѣгать на Медвѣжину, опять мочить въ рѣкѣ золотой свой рогъ.

А на Спась—на горѣ бабушка Двигалка—Филиппьева чорта родила.

Двигалкѣ подъ семьдесятъ, Геннашкѣ, мужу ея, дай Богъ, подъ сорокъ, а то и того нѣтъ, мужикъ здоровый: спьяну ли на Двигалкины деньги позарился, либо Двигалка ключами своими—двѣнадцатью ключами обошла мужика, что-то не безъ того. Ну, съ Двигалкой Геннашкѣ радость не великая, и сошелся онъ съ работницей Васихой,—въ чайной у нихъ въ Колпакахъ прислуживала.

Да отъ Двигалки развѣ что скроешь,—на то и Двигалка она, чтобы все и про все знать.

Пробовала старуха мыться медомъ, да послѣ пить Геннашкѣ давала,—не помогло, и задумала старуха попугать Геннашку, чтобы ужъ во вѣки вѣчныя ему не шататься.

Поѣхалъ Геннашка въ Лыковъ за товаромъ, осталась дома одна Двигалка, затопила Двигалка подъ вечеръ баню, позвала Бареткину акушерку, да въ банѣ и разрѣшилась.

Черный маленький чортикъ мохнатый и съ хвостикомъ,—вотъ каковъ плодъ ея чрева!

Бареткина въ полицію:

— Такъ-и-такъ, у бабушки Двигалки черный маленький мохнатый съ хвостикомъ, а шейка свернута!

Налили въ банку спирту, Двигалкина чортика въ банку, въ спиртъ, да Торопцову доктору на осмотръ.

Иванъ Никанорычъ, хоть и пьющій, а людямъ добра не мало сдѣлалъ, и въ сколькихъ только поминаніяхъ о здравіи ни записанъ, на ектиныѣ за обѣдней поминаютъ: взглянетъ Иванъ Никанорычъ глазомъ и ровно сквозь кожу во внутрь тебя все видитъ.

— Мертворожденный котенокъ! — сказалъ Иванъ Никанорычъ.

Котенокъ! — Вѣра Торопцову велика, да ужъ тутъ не до вѣры.

— Я ничего, я нечистаго не знала, пряникомъ меня окормили!—звонила Двигалка звонче ключей своихъ волшебныхъ,—и зачала я и родила отъ пряника: Васиха работница принесла мнѣ съ базара пряникъ, съѣла я пряникъ и почувствовала тяжесть

А Гениашка мало того, что навѣки вѣчные перепугался, Гениашка совсѣмъ рухнулся: кого ему напередъ порѣшить, Васиху работницу или жену Двигалку?—только одно вѣ умѣ и держитъ, извелся весь, какъ чортъ почернѣлъ, и отъ вина ослабѣ. И ужъ каждому встрѣчному и поперечному все свое о чортѣ. Самъ къ Боброву вѣ камеру влѣзъ, ровно какой нечистикъ.

— А вы слышали, Сергѣй Алексѣевичъ, извините за дерзость, баба чорта родила,—глядя куда-то вѣ сторону, съ опаской шепталъ Гениашка,—одинъ остался, у Ивана Никанорыча вѣ банкѣ сидить. Родила-то старуха ихъ много, черти, что поросята, ихъ много заразъ родится, первому дала она соскочить на полъ, а нечистый самъ далъ ему силы, онъ, первый-то, и утекъ, а второй, какъ появился, бабка хватъ, да шею ему и свернула, онъ и попался вѣ руки!—шепталъ Гениашка, а вѣ головѣ крутило: кого ему напередъ порѣшить, Васиху работницу или жену Двигалку?

Двигалкина ч о р т а — котенка показывали Боброву.

Бобровъ не принялъ дѣла.

Осеню вѣ Студенецъ прїѣхалъ изъ Лыкова судъ,—началась сессія.

Бобровъ слѣдилъ за дѣлами. И все было такъ, какъ надо: убѣйцъ, имъ привлеченныхъ, всѣхъ осуждали,—однихъ приговаривали къ каторгѣ, другихъ вѣ арестантскія роты, изрѣдка сажали вѣ острогъ.

И щевскаго поджигателя Сухова—дѣло особенно памятное и потому, что случилось оно какъ-разъ вѣ студенецкое дубононожіе съ чудеснымиantonовскими ушами и именинной встрѣчей экзаменатору Лепетову, и потому, что пришлось тогда дѣлать на поджигателя не легкую облаву, щевскаго поджигателя, во всемъ вѣ концѣ концовъ сознавшагося, закатали по всей строгости.

И было отчего быть довольнымъ Боброву, можно было порадоваться: законъ одолѣлъ! И онъ чувствовалъ себя какъ-то особенно на своемъ мѣстѣ, прочно и бодро.

А вѣдь какой грѣхъ вышелъ: поджигатель-то не поджигателемъ оказался,—совсѣмъ ни за что пропалъ человѣкъ!

Дней черезъ пять послѣ суда явился изъ Іїевы къ Боб-

рову мужикъ Балякинъ и во всемъ повинился: его грѣхъ, онъ Балякинъ, во всемъ виноватъ, онъ мужика Торопова поджегъ и ложно на Сухова показалъ, а Суховъ не при чемъ, Суховъ у своей бабы овцу укралъ и пропилъ, и отъ бабы—люта очень,—въ банѣ скончался.

— Всякая вина виновата!—топотался мужиченка.

Допросивъ Балякина, Бобровъ отправилъ его въ полицію, а самъ поѣхалъ въ Щеву на горѣлое мѣсто провѣрить Балякина.

И въ Щевѣ, на мѣстѣ, теперь все подтвердило, что поджегъ не Суховъ, а Балякинъ, а Суховъ отъ бабы своей скончался,—ошибка судебнаго слѣдователя.

Какъ, онъ, Бобровъ, сдѣлалъ ошибку! Его, Боброва, обвели вокругъ пальца! Вотъ тебѣ и моль всѣ зубы переломаетъ!

И эта ошибка была камнемъ, пущеннымъ въ него—ему въ сердце, непреклонное и твердое, какъ самъ камень, и горькое, какъ желчь.

И не то скребло у него на душѣ, не того ему было страшно, что теперь ужъ за эту ошибку схватится всякий, кому только охота, будуть всюду трубить, ногой на него наступать, а то его точило, что онъ, Бобровъ, такъ жестоко и позорно обманулся.

Но на первыхъ порахъ онъ не растерялся, нѣтъ, онъ какъ-то весь подтянулся, словно выросъ.

Да, онъ ошибся, онъ виноватъ — всякая вина виновата! — но онъ исправить ошибку, и все будетъ такъ, какъ надо.

Сгоряча ему представлялось дѣло просто и ясно.

Возвращаясь изъ Щевы ночью, свалился Бобровъ съ тарантаса въ глубокій лакутинскій оврагъ и бокомъ ушибся больно — камни, но сразу поднялся, будто и не падалъ,—ничего не замѣтилъ.

Куда ужъ замѣтить!

Въ Студенцѣ ждали дѣла.

А вѣдь дѣла эти особенно теперь нужны ему были. Безъ нихъ ему теперь, какъ безъ рукъ. Безъ нихъ ему—что ужъ говорить! — больше и дыхнуть нельзя. Да, онъ исправить ошибку, мало того, онъ дѣлами и только дѣлами изгладить эту ошибку.

Богъ вѣсть отчего такъ бываетъ въ жизни: въ злые ли дни ты родился или подъ враждебной звѣздою, но нѣть покоя тебѣ, которымъ бы утѣшилась душа, а такъ тебя и крутитъ, и падаютъ на твою голову горе и позоръ, и ужъ не знаешь, кто толкнетъ, что тебя свалить?

Чѣмъ не хороша была жизнь Василисы Прекрасной, чѣмъ ей плохо у предсѣдателя? Прежде-то, бывало, надъ помпой погни спину, иззябнешь, издрогнешь, всѣ пальцы одервенѣютъ, а теперь въ теплѣ, да въ холѣ, какъ у Христа за пазухой,—барыня, и обута, и одѣта, и сыта. Голышомъ-то по теплой комнатѣ прохаживаться не ахти какъ трудно! А вотъ, подиже ты! Душа у Василисы заболѣла. Душа заболѣла и все опостылѣло, не миль ей и бѣлый свѣтъ, хоть руки на себя накладывай.

Долго томилась Василиса, въ себѣ таила,—ночью ходить передъ и доломъ своимъ, а самоѣ слезы душатъ и, какъ камень, вотъ гдѣ! А онъ разлегся, лежитъ на диванѣ, куритъ... какъ пёсъ, сидитъ: двери заперты, никого не подпустить.

Терпѣла Василиса, терпѣла, да не въ терпежъ видно, болѣть душа, и рѣшила итти къ старцу. Улучила Василиса минуту—самого-то не было дома, да по задворкамъ и пробралась на огородъ къ Шапаеву: какъ скажетъ старецъ, такъ она и сдѣлаетъ.

Шапаевъ встрѣтилъ Василису ласково, разспросилъ ее—какъ на духу все открыла ему Василиса, и нашелъ старецъ, что бѣсь въ Василисѣ, а бѣса изгнать можно.

— Смириться надо,—сказалъ старецъ,—въ бархатѣ ходишь, а грѣхомъ живешь. По естеству-то все Богъ прощаетъ, а нагишомъ ходить не показано, не по естеству это. Ходишь ты вотъ передъ нимъ, а бѣсы-то радуются, безстыжая, безстыжествомъ распалила его. Смириться надо. Грѣхъ красотой творишь, а расточи эту красоту, унизь ее! Гордыня въ красотѣ твоей! Смириться надо. Въ церковь пойдешь, вырядишься—Василиса Прекрасная!—а ты подъ ноги брось ее, красоту свою, растопчи ее!—и руки его ужъ потянулись къ ней.

Отшатнулась Василиса, потушилась,—знала она, къ чему поведеть, а страшно.

— Что больно стыдлива стала?—захрипѣлъ старецъ и вдругъ

властно прямой весь, прямо:—а я тебѣ говорю, смирись, не щади себя!

Старецъ по кличкѣ, Шапаевъ не такъ ужъ былъ старъ, нѣправда, сѣдъ и ногами худъ, словно простывалъ ногами и оттого все вздрагивалъ, но худоба его, жилистость эта была, какъ сталь, крѣпка, и, конечно, не съ однимъ, съ легиономъ бѣсовъ управиться могъ Шапаевъ.

Василиса на все согласилась. И деньги, какія есть, все отдаетъ.

Шапаевъ и сталь изгонять бѣса...

Василиса Прекрасная, какъ-то ты теперь къ Идолу своему покажешься? Что ему скажешь? И что онъ тебѣ скажетъ? А пріятели клубные? Вѣдь, это они по тебѣ плакали, когда въ чувствительную минуту пьяные пѣли: Нѣмовъ, Стройскій, Пряткинъ и Петруша! Василиса Прекрасная, еще не поздно, еще есть минута, вѣдь это самъ бѣсъ водить тобой!

А ей что? Ей-то что, когда вся душа болить! Душа болить! Все, что захочеть, все пускай дѣлаетъ!

И нѣть ужъ этой минуты, поздно.

Шапаевъ изгонялъ бѣса... по своему изгонялъ бѣса. У! куда бѣсь!

И вышелъ бѣсъ изъ Василисы.

Старецъ дрожалъ весь, глаза помутнѣли и волосы слиплись, вдругъ суровый такой. А Василиса отъ радости въ ноги, ноги ему цѣлуя: полегчало, какъ съ души у ней свалилось, совсѣмъ легко, совсѣмъ тихо, ну, какъ прежде, какъ бывало, когда надъ помпой мерзла. Совсѣмъ ей легко.

— Ну, смирилась, а грѣхъ еще очистить надо,--и Шапаевъ еще разъ велѣлъ притти Василисѣ,—отпускную молитву возьмешь! Молитва есть такая!—сказалъ сурово, суровый, не посмотрѣлъ на нее.

И не разъ, трижды придетъ Василиса, если такъ надо.

Нынѣшніе старцы на послушаніи морятъ. И время не такое ходить по своей волѣ—растерялся, ослабъ человѣкъ, а главное измалодушствовался, куда ужъ такому за свой-то страхъ дѣла подымать, спасать человѣчество, распустился народъ. Да и дни не за горами, дни ужъ идутъ на насъ, о которыхъ и сказать страшно. Надо собраться, надо подготов-

вить, надо душу выковать, духъ укрѣпить. Вотъ старцы на по-
слушаніи и морять.

Старцами недовольны, на послушаніе ропщутъ. А старцы
непреклонны, слышать ничего не хотятъ, знай, одно свое: по-
слушаніе. И правы.

Ну осмотримся, надумаемся, поглядимъ на себя, по Россіи-
то оглянемся, что мы такое, что у насъ за душой-то, много-ль
добра, что за добро, и сильны ли средства нашей несильной
малодушной силы?

Такъ говорятъ старцы.

Недовольны старцами, не понимаютъ ни мыслей, ни замы-
словъ ихъ и, случается, бѣгутъ — „давай спасать человѣчество!“ —
слѣпые, берутся за дѣла и пропадаютъ: слѣпые, нетвердые сби-
ваются, и пропадаютъ да и другихъ губятъ.

Глупые, ничего-то не смыслять, ничего не чуяты, ничего
не видятъ, не любятъ и не желаютъ! Ну куда ты пойдешь: силы
курячыи, душенка воробышна, что сдѣлаешь, что выдумаешь,
чего достигнешь, кому поможешь?

Такъ говорятъ старцы.

И правы. Ну, сказать правду, всякая обезьяна чудеса нынче
творить хочетъ. Голыми руками съ папироской въ зубахъ даръ
Божій хотятъ получить. А соблазнъ еще больше и жить труднѣе.
Еще бы! — обезьяна чудотворить полѣзла, и слѣпой слюнявый
мерзенышъ хозяйствуетъ.

Трудно было Василисѣ незамѣтно изъ дому выбраться, да
надо, грѣхъ надо молитвой смыть, — самъ старецъ сказалъ. На
душѣ легче, а все будто прилипло нечистое что, а вотъ
взьметъ молитву и какъ изъ купели выйдетъ. И опять вы-
искала Василиса минуту, опять по задворкамъ, да на огородъ
къ старцу.

Какъ же! Помиловалъ ее Господь, исцѣлилась она, только
бы ужъ молитву-то получить.

Пришла Василиса къ Шапаеву за молитвой. А бѣсъ-то,
видно, какъ вышелъ тогда изъ Василисы, да въ старца, такъ
прямо въ старца и прыгнулъ. Какая ужъ молитва! И слова ска-
зать не можетъ, позеленѣлъ, фукаеть, какъ котъ, въ щель, да
какъ набросится на нее и опять за свое... такъ и ломить бокомъ,

инда образокъ заскрипѣлъ на груди, руки—желѣзо, грудь, какъ кузнечный мѣхъ.

Вся душа перевернулась у Василисы—вѣдь она грѣхъ приняла и молитвою снять его хотѣла!—и тамъ, въ безвѣстномъ, тамъ, въ тайномъ ея сердца, все запылало.

— Окаянный!—вздрогнуло сердце.

Рвется—не вырвешься, рвется Василиса,—не тутъ-то, нѣть, не отпустить... да вырвалась,—не тутъ-то, такъ и хрупнули его хваткіе пальцы!—вырвалась да бѣжать.

А куда? Кто ее выслушаетъ, кто заступить? Идолъ? Нѣть. Къ кому же итти? Гдѣ искать правды? Да къ кому,—къ слѣдователю, къ Боброву.

Василиса—къ Боброву.

Все выслушалъ Бобровъ, слова не проронилъ, но съ чѣмъ Василиса пришла, съ тѣмъ и ушла,—обиду не снялъ, а дѣлу дань быть законный ходъ.

И изъ всѣхъ дѣлъ шапаевское дѣло было у Боброва въ первую очередь: тутъ-то онъ покажетъ себя!

Шапаевъ не могъ не знать, что вызванный къ Боброву, въ концѣ концовъ, а не минуетъ онъ острога, и поклонницы-бабы затѣвали скрыть старца, грудью стать, не выдать.

Старецъ и въ усть не дулъ.

— Я съ Богомъ разговариваю,—училъ онъ бабъ своихъ, овецъ неразумныхъ,—всякій день къ Богу обращаюсь и не боюсь, чего же мнѣ сыщика-то бояться!

И правда, Шапаевъ говорилъ ничуть не робѣя и даже совсѣмъ не робѣя. И было похоже на то, что хоть и сидѣть Бобровъ и спрашивается, а Шапаевъ стоять передъ нимъ и отвѣтчаетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ не Шапаевъ у Боброва, Бобровъ у Шапаева на допросѣ.

Старецъ не отпирался, да, лѣчили онъ Василису блудодѣяніемъ и вылѣчили, и деньги онъ у нея взялъ, да.

— А больше ничего,—Шапаевъ даже пришелепнулъ своей жилистой ногой и вдругъ скосилъ къ носу глаза,—кто вѣсть Божія, токмо духъ Божій, неизвѣдомы судьбы его, неизслѣдовано путіе его!

И разговоръ какъ-то само собой повернулся совсѣмъ къ другому—дѣло не въ блудѣ и бѣсѣ, и не въ деньгахъ, и не въ

насилії!—разговоръ повернулся къ крѣпости Бобровской, къ закону его, къ его вѣрѣ неколебимой въ законъ.

По Шапаеву выходило такъ, что нѣть преступленія. Нѣть преступленія, а есть несчастье. А несчастье отъ грѣха: въ мірѣ грѣхъ ходитъ, муты среди людей дѣлаетъ.

— Гдѣ человѣкъ, тамъ и грѣхъ!—какъ молоткомъ, стучали слова.

И тотъ, кого грѣхъ попутаетъ, не преступникъ, а несчастный. И на все на то Божья воля. И не человѣку судить несчастнаго, не человѣку карать его: ужъ въ несчастьѣ своеемъ несетъ грѣшникъ-несчастный свою кару—несчастье свое. И ужъ если повиненъ кто наказанію, то не тотъ, кто преступленіе совершилъ, а тотъ, кто осудилъ этого преступника, окаратель его.

— Грѣшникъ, униженный, многое постигаетъ, грѣшный ближе къ Богу, онъ-то и думаетъ о Богѣ, молится, грѣшникъ первый предстанетъ предъ Господомъ,—сказалъ старецъ, и въ голосѣ его прозвучала великая скорбь и горькое раскаяніе.

И на минуту потянуло Боброва безъ всякихъ отпустить его домой, но онъ сразу спохватился, и только подвинулъ свои сухіе длинные пальцы.

Шапаевъ продолжалъ разсказывать, Шапаевъ говорилъ присказульками, на все давалъ отвѣты, сказывалъ и сказки.

А изъ всѣхъ путанныхъ словъ его, изъ всѣхъ сказокъ его былъ одинъ выводъ, да такъ будто бы и въ мудрыхъ людяхъ, слухъ идетъ, что лишь подвигомъ народъ исцѣляется, а самый больший подвигъ въ вольномъ страданіи.

— Весь отъ себя отстуни и отвергнись отъ себя, прими на себя чужую вину, возьми крестъ другого и неси этотъ крестъ за другого,—какъ молоткомъ, стучали слова.

Вольное страданіе, это сладкое узничество за другого и спасетъ будто бы русскій народъ, просвѣтить его сердце, очистить его душу.

До вечера думалъ Бобровъ, не отпускалъ Шапаева, пробовалъ толковать ему о своемъ—о законѣ, но старецъ прекословилъ ему.

— Говориши хорошія слова, а самъ о хорошемъ и понятія

не имѣешь!—не мирно сказалъ Шапаевъ, тѣмъ разговоръ и кончился.

Бобровъ писалъ постановленіе—какой еще можетъ быть разговоръ!—а Шапаевъ, скосивъ глаза къ носу, стоялъ нахмуренный, бормоча что-то, молитву свою.

— Пресвятая Богородица наша по мукамъ ходила...—сказалъ вдругъ Шапаевъ.

Бобровъ на минуту отложилъ перо, прищурился.

Шапаевъ дергался.

— Пресвятая Богородица наша по мукамъ ходила, Михайлъ архангель водилъ ее, показывалъ...—и голосъ его упалъ,—и оставила Богородица рай, Сама пошла въ муку, къ намъ, въ муку, съ непрощенными мучиться и мучается и стенаеть и молитъ за насъ изъ муки, за весь міръ заступница. Между людьми и Богомъ ниточки есть...—и замолкъ и сталъ такой скорбный и униженный, смотрѣть на него больно.

Шапаевъ понялъ въ острогъ, а Бобровъ къ себѣ—въ жестокое молчанное житіе свое.

Ночь, занервѣсь, Бобровъ не присѣлъ къ столу, не раскрылъ книги. Не до чтенія ему было. Растревоженный, выбитый изъ колен привычныхъ мыслей, метался онъ по своей комнатѣ, какъ послѣ допроса въ одиночкѣ запутавшійся воръ острожникъ. Въ комнатѣ было тѣсно. Ему бы куда гдѣ попросторнѣй!

Ошибка съ поджигателемъ не выходила у него изъ головы, и незабытной памятью стояли слова Шапаева.

А можетъ быть, онъ и раньше ошибался, и не одинъ разъ, да только такъ проходило? И развѣ онъ не знаетъ, что хорошо?

И было такое чувство, какъ на обыскѣ, и оно не отпускало его, только гонялся онъ не за поджигателемъ, а за самимъ собой.

И вотъ въ первый разъ за столько лѣтъ онъ спросилъ себя, да правъ ли онъ съ своей законностью, и надо ли русскому народу его законность, въ законности ли все спасеніе Россіи?

Когда его вывалилъ ямщикъ Фарутинъ, онъ почувствовалъ, какъ внутри его перевернулось что-то, но онъ забылъ тогда же,

будто и не замѣтилъ, а вотъ вспомнилъ, а вспомнилъ потому, что въ душѣ его что-то перевернулось.

Острая боль подкатывала къ сердцу.

Что же спасетъ Россію, если не его законность? Подвигъ, вольное страданіе? А его законность? Куда же дѣвать законъ? И онъ, слѣдователь, не нуженъ Россіи? Куда ему-то дѣваться?

Въ душѣ его что-то перевернулось, въ безвѣстномъ и тайномъ его сердца, и вернуться къ прошлымъ ночамъ съ ихъ гибѣвомъ и проклятіемъ онъ уже не могъ, не могъ думать по старому, вести мысль по протореннымъ путямъ. И вскрылись тѣ больныя точки, которыя столько лѣтъ обходилъ онъ, хоронясь за свою завѣтную тетрадь — за обличенія свои, ставшія, какъ вино, привычкой.

Онъ вдругъ о женѣ вспомнилъ и съ той захватывающей тоскою, съ какой вспоминалъ только въ первые годы разлада, ту ночь вспомнилъ, когда его къ женѣ ночью позвали.

„Знаю, все знаю!“ — ясно прозвучалъ надъ ниуѣ ея голосъ, тѣ слова ея.

И ему стало обидно за все, и жаль всего, жизни своей, которая такъ истратилась ни за что.

Какъ ни за что? Да вѣдь онъ отдалъ всю свою жизнь на защиту закона — въ защиту русскаго народа, который гибнетъ отъ беззаконства. Онъ творилъ дѣло души своей. Онъ служилъ во всемъ въ правду Россіи, онъ искалъ правды и оборонѣ народу. Онъ весь для Россіи.

Да, конечно, нужно было какъ-то наладиться, сердце его было уязвлено, крѣпость его расшатана, но онъ не хотѣлъ сдаваться.

Развѣ онъ не знаетъ, что хорошо? И если всю его законность къ чорту, почему шапаевское вольное страданіе хорошо?

„Взять на себя вину, ну, а тогдѣ подлецъ будетъ по волѣ разгуливать, да еще смѣяться! И это хорошо? Для кого? Для Россіи? И конечно, не сопротивляйся бьющему! Да вѣдь онъ же меня не одного бить-то будетъ, дай ему только волю, только, попробуй, смолчи. И, конечно, люби ненавидящихъ насъ! Люди прощаются всякаго подлеца, потому такъ много и подлости. А Россія раздавлена этой исконной своей смолчива-

стью, отупъла и озвѣрѣла отъ своей податливости. И это хорошо? Для кого?“

Воздухъ начиналъ сибираться, потянуло къ водкѣ.

„Я буду убивать, а другой возьметъ мою вину на себя. А убивать я буду потому, что меня грѣхъ будетъ путать, а противъ грѣха ничего нѣтъ,—на все воля Божья. И совершивъ убийство, я, несчастный, и понесу свою кару въ этомъ несчастьѣ моемъ. А судья, осудившій меня по закону,—вѣдь меня судить будутъ, вѣдь не начнутъ же всѣ люди среди исконнаго грѣха, въ царствѣ судьбы и грѣха, всѣ до единаго святымъ житіемъ жить!—судья-то тотъ Налимовъ понесетъ свою кару за осужденіе свое. Для кого? Ради кого? Ради Россіи?“

Водка обжигала и было больно, жгло.

„А что если людямъ все позволить,—спросилъ себя вдругъ Бобровъ,—да такъ позволить, чтобы ужъ все было можно, хоть только на одинъ единственный день?“

И отвѣтилъ:

„Люди вообще существа грубые и глупые и лютые, и за одинъ день, за одинъ-то день, пожалуй, и ничего бы не сдѣлали: соблазнъ такъ бы былъ бы великъ, не знай, за что взяться, растерялись бы... Ну, а я, чтобы такое сдѣлалъ я въ этотъ одинъ единственный день?“.

Бобровъ зажмурился и долго такъ сидѣлъ.

— „Знаю, знаю, все знаю!“—шепталъ онъ, и снова въ памяти его прошла та послѣдняя ночь.

Часъ подходилъ къ клубному разгону.

Тамъ Василиса Прекрасная томила, пьяное виномъ, клубное сердце горѣло сердцу звѣздой далекой.

Снаружи загрохотала ставня—клубные пріятели возвра-щались на ночлегъ мимо Бобровскаго дома, и отъ удара коль-нуло въ сердцѣ.

На малую минуту сердце остановилось.

„Вотъ онъ, и конецъ!“—мелѣкнуло въ душѣ и сразу такъ много забылось, какъ странно, и даже завѣтная тетрадь его съ обличеніемъ и проклятіемъ народу, затворѣнному родному народу, которой держалась вся его сила и крѣпость, будто ее и не было никогда, и наступилъ покой безсилья: воля Господня буди во всемъ!

А сердце опять застучало, какъ всегда стучитъ, но онъ ужъ не рѣщался пошевелиться, стало страшно, и страшно и больно, что вотъ и опять схватить!

Въ углу висѣлъ образъ, тотъ самый отцовскій, передъ которымъ когда-то отецъ молился, Богородица—Величить душа моя Господа.

„Межу людьми и Богомъ есть ниточки!“ — вспомнились Боброву слова Шалаева, и голова его вдавилась въ плечи, какъ у отца, когда старикъ молился.

— Пресвятая Богородица, спаси наась!

И вдругъ ему совѣстно стало, поспѣшио онъ наилѣ еще стаканъ, и, какъ подожженный, вскочилъ съ мѣста:

— Да на кой чортъ этому народу законность твоя! Ни ты ему, ни онъ тебѣ не нуженъ. Беззаступный, бунташный... проклятый народъ! — и привычно Бобровъ поднялъ кулакъ, свою палку—законъ—смертоносное знамя, крестъ воздвигалый, стягъ свой — крестъ и проклятие: съ нимъ и пойдеть онъ одинъ, отколовшись отъ всего народа, одинъ, на край свѣта по пустынѣ, гдѣ людей нѣтъ—откатный камень.

А въ душѣ его все перевертывалось—въ безвѣстномъ и тайномъ сердца его. И была душа его, какъ разодранный платъ.

Подъ нимъ земля шаталась. И больно жгло.

Да у него все горить, умъ горить, сердце горить, душа горить. Это Суховъ, поджигатель, поджегъ!

Бобровъ сдѣлалъ послѣднее усилие, глотнулъ еще—до дна, и стало какъ-будто отлегать.

Осторожно дошелъ онъ до дивана, потушилъ свѣтъ.

Когда въ Петербургѣ еще студентомъ Бобровъ захворалъ той обычной, считающейся легкой болѣзнью, о которой принято говорить не больше, чѣмъ о какомъ-нибудь пустяшномъ насморкѣ, и послѣ доктора вечеромъшелъ домой по Невскому, какъ-то чувствовалъ онъ себя со всѣми близко: такъ много встрѣчалось подпорченыхъ и съ грѣшкомъ, какъ и онъ, всѣ ему братья и сестры... И какъ было бы хорошо завтра вдругъ явиться ему въ клубъ и тамъ провести вечеръ, какъ всѣ, со всѣми. И все помирилось бы въ добромъ духѣ, по хорошему, и ужъ пошла бы жизнь хорошая и прохладная и веселая, безскорбная, безъ кручинъ.

Или къ Феничкѣ пройти ему въ гости?

И вотъ подъ клубное счастье, которое изливалось на его душу, какъ нѣкій чистый елей—блудное муро, съ мыслью о Феничкѣ гуляющей онъ повалился, и горкій сонъ забралъ его.

Мутень, горекъ сонъ приснился Боброву. Счудилось ему, въ домѣ новая прислуга у нихъ, здоровая дѣвка, какъ Василиса, и входить она будто въ его комнату, а въ рукахъ держитъ большия ножницы и стрекочеть, наигрываетъ она ножницами, какъ парикмахеръ Юлинъ—Гришка Отрепьевъ, когда стричь собирается.

Ближе, все ближе подходитъ къ нему эта дѣвка. И чѣмъ ближе она подходитъ къ нему, тѣмъ беспокойнѣе ему.

И темный страхъ напалъ на его.

Онъ скорчился весь, вобрался, стиснулся—рука къ рукѣ, нога къ ногѣ.

— Помилуй меня!

— Не помилую.

— Спаси меня!

— Не спасу тебя, лютый.

— Пощади меня!

— Нѣть пощады.

Нѣть ему пощады! И онъ мечется, вертитъ головой, а дѣтъся ему некуда.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

С Т Р А Д Ы.

Утромъ въ обычный часъ всталъ Бобровъ, унылъ и немощенъ, измученный сномъ.

Ледяная вода не помогла ему: весь онъ осунулся, охудѣлъ, опустился, все тѣло ныло, словно палками отколотили его, и все ему было обузно.

„Вотъ если бы ему въ Парижъ, въ Парижъ ему уѣхать!— хватался онъ за послѣднюю соломенку,— тамъ бы и жить, и никто бы не зналъ о немъ. Тихо прожилъ бы онъ свои послѣдніе дни. Тамъ такой воздухъ легкій! По вечерамъ онъ слушалъ бы звонъ, какъ вызваниваютъ часы въ Сорбоннѣ, въ Сенатѣ, у Санть-Сюльписа...“—и онъ сталъ прислушиваться, словно и въ правду услышитъ — изъ города счастья, столицы міра дойдетъ до него вѣсть, и на минуту до боли ясно представился ему Парижъ: пасмурный, сѣрый вечеръ въ маѣ...

А ученая канарейка выпѣвала гимнъ, нашъ русскій народный гимнъ.

Бобровъ поднялся.

Трудно было одѣться. Онъ чувствовалъ, какъ форменный сюртукъ его давить, а фуфайка шерстила, драла грудь и спину, словно парапантъ надѣть былъ на немъ проволочный съ гвоздиками—вериги игольчатыя.

Черезъ силу спустился Бобровъ внизъ, въ камеру.

Письмоводитель Пармѣнъ Никитичъ въ своей голубой рубашкѣ-фантазіи ужъ сидѣлъ за столомъ, и короткія штаны его еще выше были поддернуты: на волѣ была невылазная грязь и, хоть подсушило, да предусмотрительность никогда не мѣшаетъ.

День начался, какъ всегда: переписка, бумаги, потомъ стали приходить свидѣтели.

Отецъ поссорился съ сыномъ,—мирили.

— Поклонись ему въ ноги, мерзавецъ, голова не отвалится!
Ну, а ты прости его!—училъ Пармёнь Никитичъ.

А Боброву было какъ-то все равно, и что ни говорилъ Каріевъ, и хоть лбами ихъ сталкивай, все равно и не для чего.

Урядникъ привелъ арестанта. Надо было спѣшно допросить. А это было привычно и легко Боброву, и съ арестантомъ онъ скоро управился.

Наступилъ перерывъ.

Пармёнь Никитичъ вышелъ, а Бобровъ остался одинъ за своимъ столомъ.

И чай его остылъ, а онъ и не пошевельнулся, какъ сѣлъ, такъ и сидѣлъ. Тяжело думалось, темно и тяжело и такъ, ни о чёмъ, что попадется.

И почему то вспомнилось ему одно дѣло, такъ пустяковое, въ газетѣ вычиталъ.

Гдѣ-то, во Владивостокѣ судили китайца. Плохо что знать китаецъ по-русски, а понималъ и того меньше. Судили китайца безъ переводчика. Судили китайца за то, что онъ брюки укралъ. „Укралъ ты пару брюкъ?“—спрашивается судья. „Одинъ брука“,—твердо отвѣчаетъ китаецъ. „Укралъ ты одинъ брука?“—„Укралъ“. Ну, судья читаетъ обвиненіе: „За кражу п а р ы б р ю к ъ т а к о й - т о приговаривается къ наказанію“. Какъ, за пару брюкъ? Китаецъ недоумѣваетъ, понять ничего не можетъ, не хочетъ покориться. „Одинъ б р е у к а!“—вырывается изъ души его отчаянныій крикъ, кричитъ китаецъ, а ужъ приговоръ вошелъ въ силу и китайца ведутъ.

— Одинъ бреука!—глотнулъ Бобровъ воздухъ: кольнуло въ сердцѣ, и затаился.

На подоконникѣ сидѣла галка,—глаза у галки были бѣлые.

Какъ прикованный, смотрѣлъ Бобровъ на галку и не моргъ оторвавшись отъ ея бѣлыхъ глазъ.

Галка сидѣла, не улетала. Галка уставилась на Боброва бѣлыми глазами.

И ознообъ побѣжалъ по тѣлу.

„Окно закрыть надо,“—подумалъ Бобровъ, и не всталъ, а только зажмурился.

А въ глазахъ стояли двѣ бѣлые точки, и въ сердцѣ кололо.

„Безъ переводчика, всѣ мы безъ переводчика... Судья приговорить, а мы недоумѣваемъ, кричимъ, да поздно...—схватился Бобровъ за китайца, думая, должно быть, китайцемъ прогнать галку, а и съ закрытыми глазами все ее одну видѣлъ: галка тихо сидѣла на подоконникѣ, уставившись прямо на него бѣлыми глазами,—да, безъ переводчика... и съ какимъ возмущеніемъ, жестоко, несправедливо осужденные, идемъ мы въ тюрьму! Пара брюкъ?..“

— Одинъ бреука!—вскочилъ отъ боли Бобровъ.

Пармѣнъ Никитичъ на цыпочкахъ затворялъ окно. Штаны его были еще короче, широкія разношенныя резинки оттопыривались, и видны были сѣрые нитяные носки.

И опять начались дѣла.

Бобровъ дѣлалъ послѣднее усиленіе, чтобы хоть какъ-нибудь держаться,—смотрѣть на него было больно,—и опять подписывалъ бумаги—рука сама собой водила, и опять допрашивалъ,—привычно складывались вопросы.

Приходили какіе-то мужики и бабы, какъ сквозь сонъ, въ мглѣ проходили они передъ Бобровымъ. Вонь прѣлью полуушубковъ ошибала его.

Тяжко, медленно шли часы.

Наконецъ, постороннихъ никого не осталось. Ждать большие некого. Пармѣнъ Никитичъ отворилъ форточки, подвязалъ себѣ калоши, и можно было молча, какъ всегда, разойтись.

Въ это время въ камеру вошелъ десятскій съ пакетомъ:

— Урюпинскій земскій начальникъ Крупкинъ застрѣлилъ жену.

Бобровъ сунулъ пакетъ въ карманъ, но вмѣсто того, чтобы послать за лошадями, медленно поднялся къ-себѣ.

Въ кабинетѣ Александра Ильича подъ знаменитымъ косынкой его ковромъ двѣнадцати шерстей разныхъ волковъ, у грамофона сидѣлъ послѣ обѣда самъ Александръ Ильичъ да членъ управы Рогаткинъ.

- Носъ чешется!—подмигнулъ Александръ Ильичъ.
- Водку пить.
- Съ удовольствиемъ.
- А ну-ка разведи чего-нибудь еще повеселѣе!—Рогаткинъ, ухмыляясь въ бороду, сіялъ, какъ самоваръ.

И граммофонъ трещалъ во всю.

И Александръ Ильичъ и Семенъ Михеичъ оба были довольны.

Дѣло Рогаткина, о которомъ онъ пришелъ потолковать съ исправникомъ,—какая-то казенная поставка, уладилось къ обоюдной выгодѣ: Рогаткину—въ карманъ, да и Марѣ Северьяновнѣ не будетъ обидно,—Чортовыムъ садамъ не уронъ, а пополненіе, живи, не печалься!

Давно было пора итти въ клубъ. Тамъ будуть и вспрыски: для этакова случая и разрѣшить не грѣхъ. И Александръ Ильичъ чихалъ, какъ песь, отъ удовольствія.

Въ самый разъ попали пріятели въ клубъ.

Тутъ всѣ были въ сборѣ: и самъ старшина Иванъ Ѹеоктистовичъ Богоявленскій, и судья Налимовъ Степанъ Степанычъ, и земскій начальникъ Николай Васильевичъ Салтановскій—Законникъ, и акцизный Шверинъ Сергѣй Сергѣевичъ—Табельдотъ, и агрономъ Пряткинъ Семенъ Ѹедоровичъ—Свина, и секретарь управы Василій Петровичъ Нѣмовъ, и податной Владимиръ Николаевичъ Стройскій—Донъ-Жуанъ, и почтмейстеръ Аркадій Павловичъ Ярлыковъ, и лѣсничій Кургановскій Эрастъ Евграфовичъ—Колода, и Анна Савиновна Шверина, и Катерина Владимировна Торопцова—Лизабудка, и Прасковья Ивановна Боброва, слѣдовательша, и самъ Иванъ Никанорычъ Торопцовъ, успѣвшій усидѣть, если и не всѣ девятнадцать, то ужъ во всякомъ случаѣ, не менѣе дюжины.

Всѣхъ занимала послѣдняя новость: земскій начальникъ Крупкинъ, застрѣлившій жену, какъ зайца. И эта новость даже заслонила Бѣлогоровскій скандалъ съ Василисой Прекрасной.

Крупкинъ, наѣзжая въ Студенецъ, всегда бывалъ желаннымъ гостемъ. Не молодой ужъ, но крѣпкій, съ военной выправкой, сманилъ онъ своимъ птичьимъ глазомъ жену у Салтановскаго—Законника, а главное, славился своей охотой,—страстный охотникъ, держалъ онъ девять борзыхъ и пользовался первой порошней, чтобы травить зайцевъ. И такъ его всѣ боялись,

что никто не осмѣливался бить зайцевъ. А сталось вотъ что: въ Урюпино къ старостѣ изъ Петербурга пріѣхалъ сынъ солдатъ, привезъ съ собой ружье и началъ нещадно бить зайцевъ. Узналъ Крупкинъ и засудилъ солдата: присудилъ къ двадцати пяти рублямъ штрафа, да еще и на высидку. Солдатъ подалъ въ съѣздъ, а съѣздъ смягчилъ приговоръ по закону. Заплатилъ солдатъ штрафъ и снова принялся за зайца. А за нимъ и другіе. Вабѣленился Крупкинъ, засыпалъ всѣхъ штрафами. А тѣ—въ съѣздъ. Тутъ еще и губернское присутствіе вмѣшалось, бумага за бумагой, чуть до дисциплинарки не дошло по жалобѣ съѣзда.

— Крупкинъ остервенѣлъ,—рассказывалъ Петруша,—зная штрафуетъ за каждого зайца по четвертной, а зайцы прыгали у него ужъ вотъ гдѣ! А ночью и сна нѣть, такъ изъ угловъ и лѣзутъ, грудой сидятъ бѣлые, сѣрые, всякие. И померещилось ему ночью, прыгнулъ на кровать къ нему заяцъ, онъ за ружье, нацѣлилъ, да какъ вдарить... А чиркнулъ спичку, по кровати кровь,—весь зарядъ всадилъ въ жену.

Дамы охали и ахали.

А Петруша и тутъ не удержался и, обращаясь больше къ дамамъ, къ слѣдовательшѣ въ особенности, пустился рассказывать о какой-то заячьеи шерсткѣ, которая будто бы можетъ погубить вѣрнѣе всякаго зайца.

Въ воздухѣ густѣло.

Разговоръ изсякалъ,—дурацкая минута,—пора заняться Бобровымъ.

Конечно, слѣдовательская ошибка съ поджигателемъ взята была на зубокъ. Чистымъ елеемъ—небеснымъ муромъ возліялась на душу завѣтная мысль, что слѣдователю ужъ конецъ, дастъ Богъ, уберутъ изъ Студенца.

И какимъ злоторцемъ—хищникомъ, волкомъ, губителемъ вставалъ въ разгоряченномъ воображеніи Бобровъ.

— Ишь ты, маху, вашъ голубчикъ, далъ!

— Скапустился!

— На шишу остался!

— Зададутъ ему феферу съ фернопиксомъ!

— Такъ и надо!

Такъ и ему и надо! подхватили хоромъ пріятели.

Кто-то предложилъ выпить за Бобровскую ошибку.

Появился миленфоль и кричали ура.

И все было хорошо, а чего-то не хватало. Ну, чего же?

Въ Колпакахъ, въ чайной у Двигалки на тѣсной хозяйской половинѣ сидѣли за самоваромъ сама хозяйка Двигалка, Геннашка да Тихвинская монашенка мать Асенефа.

Геннашка пиль съ двѣнадцати ключей волнистую воду, прикусывая вмѣсто сахара Богородицынъ хлѣбецъ. Всякій Божій день пиль Геннашка по восьми чашекъ. Двигалка сама приготвляла ему воду:—двѣнадцать ключей отъ комодовъ, шкаповъ и сундуковъ, мыломъ вымытые начисто, клались въ воду, вода съ ключами нагрѣвалась до тѣхъ поръ, пока не закипала ключомъ, и тогда готово, а вкусъ противный, ржавый. Пиль Геннашка эту воду, а мучился по-старому.

Мать Асенефа пила чай съ принудкой, и ужъ второй самоваръ ставили для гости. Мать Асенефа рассказывала о чудотворной лампадкѣ, что чудодѣйствуетъ и цѣлебы даруетъ.

Главная святыня въ монастырѣ—чудотворный образъ Тихвинской Божіей Матери. Къ иконѣ ставятъ свѣчки и теплится много лампадокъ, и есть одна неугасимая царская лампадка.

Пріѣхалъ въ монастырь на богомолье Бабахина предводителя небельмейстеръ и усердія ради поставилъ свѣчку въ двадцать копеекъ. А мать Асенефа при иконѣ стоитъ, за порядкомъ наблюдаетъ, вотъ и рѣшила монашка, чѣмъ масло жечь, оставить она небельмейстерскую свѣчку на ночь горѣть, а неугасимую лампадку потушить.

— Потушила я, матушка, лампадку,—рассказывала мать Асенефа,—заперла соборъ и пошла за всенощную въ теплую церковь. Стою я, матушка, за всенощной и взяло меня раздумье: „Какъ же такъ, думаю себѣ, лампадка царская негасимая, а я поскутила, загасила?“ И такъ себѣ раздумала, молитва не идетъ на умъ, не молится. „Не хорошо, думаю, я такъ сдѣлала!“ Да скорѣе въ соборъ. Отперла я соборъ, гляжу, а лампадочка горитъ. Царица Небесная сама дала осіяніе—седміусный пламень! А меня опять грѣхъ: „Дай, думаю испытаю,“—взяла, да и за-

тушила. Затушила я лампадку, заперла соборъ, и пошла къ себѣ въ келью. Прихожу на утро, а лампадочка горитъ...,

А Двигалка, поддакивая монашеникъ, довольная, что запугала Геннашку на вѣки вѣчные, отвадила мужика отъ работницы, знай, свое хвастала:

— Минъ, матушка, родить, !—и такому уподобляла дѣянію, отчего мать Асенефа только благочестиво кашляла,

А Геннашка пиль свою ключевую воду и все думалъ и думалъ—кого ему напередъ порѣшить, Васиху работницу или жену Двигалку, да не прихватить ли за одно и чудотворную мать Асенефу?

Противъ бѣлага каменнаго острога, противъ оконъ рѣшетчатыхъ, у забора стояли три женщины, тѣ, что сами приходятъ. Студеный былъ день, а ночь начиналась холодная и звѣздная съ вѣтромъ. А онъ все стояли, не уходили, и подъ осеннимъ упорнымъ вѣтромъ.

Въ верхнемъ окнѣ за желѣзной рѣшеткой тускло свѣтила тюремная желтая лампа. Тамъ за рѣшеткой трое сидѣло: осужденный за поджогъ Суховъ, поджигатель Балякинъ и старецъ Шапаевъ,—и разобрать было трудно, кто изъ нихъ старецъ, кто поджигатель, кто осужденный.

Женщины стояли истомно.

Выль вѣтеръ, звѣзды въ ночи мерцали—Божи свѣтильники, осення звѣзды, холодныя, какъ сама ночь.

Кто ихъ измолить, кто поведеть путемъ спасеннымъ, кто избавить, кто изметь отъ Суди страшнаго отвѣта, муки вѣчныя и грозныя?

Седмерыми смертоносными грѣхами онъ согрѣшили, онъ согрѣшили отъ начала и до конца, отъ земли до небесъ, отъ земли до бездны, отъ юга до сѣвера, отъ востока до запада, и грѣховъ ихъ больше, чѣмъ звѣздъ нощныхъ и листа древеснаго больше, чѣмъ травы земной и песка морскаго, и камней, и деревъ, и звѣря, и скота, и птицъ, и рыбъ, и больше, чѣмъ въ морѣ воли и капель дождевыхъ и человѣкъ и всей твари отъ начала вѣка и до конца: алчнаго не накормили, жаждущаго не напоили. путника страннаго не ввели въ домъ, нагого не прѣ-

ѣли, больного не посѣтили, въ темницу къ сидящему не пришли.

И неисходно онъ молились въ долгую ночь подъ холодными звѣздами.

И имъ видѣлся старецъ, любивый и любимый, вѣдуюцій тайна сердецъ ихъ, непоступно въ самосіянномъ свѣтѣ превысняго третьяго неба беззвѣзднаго—и е ба небесе скорбно стояль въ воздухѣ старецъ.

— Господи, зацѣти и помилуй! Господи, покажи милость! Господи, согрѣй сердце! Господи, да Ты слышишь ли?

А за бѣлымъ каменнымъ острогомъ на старомъ кладбищѣ вѣтеръ гулялъ. Вѣялъ вѣтеръ, вылъ, вился вокругъ крестовъ гнилыхъ, и, какъ въ полѣ зрѣлый отягченный колосъ, преклонялись кресты, и одинъ лишь крѣпко стоялъ, какъ поставили, стоялъ, не воротилъ головы тяжелый памятникъ студенецкаго купца Максима Иванова:

Подъ камнемъ симъ
Лежить купецъ Ивановъ Максимъ,
Имъ бы жить да наслаждаться,
А они изволили скончаться.

Нюша Крутикова дремала у аппарата и подъ выстукиванія его дремалось сладко. И вдругъ подпрыгнула Нюша, словно Вася Кабанчикъ¹ кольнуль ее. Лента шла и крутилась, какъ и всегда, но слова выходили совсѣдашнія: телеграмма изъ Лыкова исправнику Антонову шифрованная!... Ласточкой метнулась Нюша передать новость сосѣду, а сосѣда нѣть.

Вышелъ Вася Кабанчикъ провѣтриться—звѣздная ночь—сталъ Кабанчикъ, да такъ и залюбовался собой.

Подушечка, подушечка,
Подушечка пуховая...

— тихо пѣли бобровскія барышни: Паніа, Анюта, Катя и Зина подблюдную пѣсню подушечку, поютъ ее на дѣвичникахъ, да на вечерахъ, когда къ невѣстѣ прїѣзжаетъ женихъ, тихо пѣли барышни, и голоса ихъ томились.

Кого люблю, кого люблю, поцѣлую,
Тебя, моя подушечка, подарю я.

Въ форменномъ тяжеломъ сюртукѣ, въ каменныхъ воротничкахъ,—въ игольчатомъ жгучемъ парамантѣ лежалъ на диванѣ Бобровъ.

Онъ, какъ поднялся къ себѣ, какъ прилегъ на диванъ, такъ и лежалъ.

На столѣ горѣла свѣча. Пламя ея колебалось вѣтеръ гулялъ за окномъ.

Не открывая глазъ, лежалъ Бобровъ. Ознобъ обжигалъ его. И хотѣлось встать, закутаться потеплѣе и попить,—хоть бы одинъ глотокъ,—но онъ лежалъ и не могъ позвать.

Мысли шли по своей волѣ, сердце стучало и замирало по своей волѣ, а его воля была самой послѣдней.

И изъ послѣдней воли своей онъ не хотѣль никого звать.

Въ памяти его подымались завѣсы: такое далекое и забытое, случайное, проходило передъ нимъ, но такое кровное и съ болю утраты невозвратной.

Почему-то вспомнился ему протоколъ, писаль онъ этотъ протоколъ незадолго до женитьбы своей, будучи лыковскимъ кандидатомъ: на лыковской станціи въ багажномъ отдѣлѣніи найдена была корзина, въ корзинѣ оказалась убитая женщина.

Слово въ слово выжигались слова:

„Убитая довольно полная женщина, на видъ ей лѣтъ тридцать пять. Лежитъ съ повернутой головой. На ней черная кофточка моднаго покроя, двѣ юбки. На ногахъ модные ботинки со шнурками. Когда была поднята лѣвая рука убитой, по корзинѣ поползли громадныя черви...“

И вдругъ ему стало ясно, что убитая въ корзинѣ — это жена его, Прасковья Ивановна, Папи.

Какъ это просто,—подумалъ онъ,—перстная земля, какъ всѣ, какъ я, а я то...“

Но ужъ память другую подымала завѣсу, не давая ему ни перевести духа, ни одуматься, ни сообразить. Кто-то выше его воли, сильнѣе и крѣпче, не спрашиваясь, хочетъ онъ или не хочетъ, распоряжался надъ нимъ по-своему.

Какъ это давно было! Онъ сидѣть въ трамваѣ, къ Смольному ѻдетъ, а противъ него женщина въ черной плисовой кофтѣ:

лицо, какъ морковь, и нось, какъ морковь, красная вся, вспухлая отъ слезъ, въ рукахъ икона—Божія Матерь, да, да, Божія Матерь—В еличитъ душа моя Господа, крѣпко обѣими руками она держитъ ее, прижимаетъ ее къ груди, а сама все покачивается, какъ пьяная, и глаза опущены въ землю на дырявые полусапожки. И вдругъ кричитъ: „Берите меня, куда хотите!“

— Берите меня куда хотите!—кричитъ она послѣднимъ голосомъ послѣдняго отчаянія.

— А вамъ куда надо? Куда ѿдете?

— На Петербургскую.

— Эка, на Петербургскую!

Да ты не въ ту сторону, совсѣмъ не въ ту сторону.

Кого люблю, кого люблю, поцѣлую,
Тебя, моя подушечка, подарю я.

— стонутъ голоса: бобровскія барышни за стѣной поютъ—томились голоса ихъ.

— Берите меня, куда хотите!—на крикъ кричитъ женщина и вотъ подняла глаза изъ муки, измученная, какъ у матери, качается, какъ пьяная, Василиса Прекрасная.

И вдругъ Боброву совсѣмъ ясно, что не мать, не Василиса Прекрасная, нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ, это онъ стонетъ... И его послѣдняя воля собираетъ послѣднія силы, чтобы было совсѣмъ неслышно, совсѣмъ тихо...

— Папа, тебѣ плохо?—Катя, третья дочь его, прокурорская, вошла въ комнату.

— Ничего,—Бобровъ поднялъ глаза,—Катя, я... ничего!—и повернулся лицомъ къ стѣнѣ и ужъ все будто повернулось въ немъ.

Онъ въ камерѣ у судьи. Онъ, Бобровъ, стоитъ передъ судьей. Налимовъ судья судить его. Но изъ того, что говоритъ судья, плохо что понимаетъ онъ: Налимовъ, хоть и по-русски говоритъ, да какъ-то по-своему, трудно разобрать. И одно только ясно ему, что его, судебнаго слѣдователя, статскаго совѣтника Боброва судятъ. Да, онъ виновенъ, онъ ошибся. И вотъ судили. Какъ! За одну ошибку и такъ жестоко? И онъ хочетъ что-то сказать въ свое оправданіе, хочетъ оправдываться, да ужъ

поздно: судья снимаетъ цѣпь. А какіе-то китайцы схватили его подъ руки...

— Одинъ бреука!—рванулъ Бобровъ воздухъ.
И сердце похолодѣло, стало сердце.

И тихо стало въ комнатѣ, тише, чѣмъ всегда. Пламя колебалось—вѣтеръ гулялъ за окномъ.

Не пѣли барышни,—присмирѣло за стѣной въ ихъ горячихъ дѣвичьихъ думахъ, не томились голоса ихъ свадебной пѣсни.

Широкій и гулкій, нашъ разбойный вѣтеръ, вѣтровы пѣсни томились... сердце томилось, море томилось... тамъ море—море—льмятется, тамъ знои горючи—земля изсыхаетъ, не дождять небеса, увядаются ли травы, тамъ мука—плачъ ли безмѣрный, стенианія, крикъ непрестанный, тамъ страсть неутолима, гроза, пагуба нескончаема, вопль неутѣшимъ?—вѣтровы пѣсни томились, вѣтеръ разбойный гулкій широко гулялъ.

— Папа!—окликнула Катя.
Но ей никто не отвѣтилъ, только пламя метнулось.

И жутко такъ тишина томила.

Неслышно подошла Катя къ дивану, не дыша, наклонилась.

— Папочка! Родной! Папочка!—и отшатнулась.

Съ открытыми окаменѣлыми глазами въ форменномъ тяжеломъ сюртукѣ жалко такъ лежалъ Бобровъ, и паръ шель изъ его рта.

1912 г.
с. Бобровка.